

ВОЛЬТЕР

ЦАРЕВНА
БАВИЛОНСКАЯ

ВОЛЬТЕР

ЦАРЕВНА
ВАВИЛОНСКАЯ

Перевод с французского

Государственное Издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1955

Перевод Н. К о г а н

Предисловие И. М и р и м с к о г о

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Царевна вавилонская» — одно из самых оригинальных и художественно совершенных произведений, входящих в цикл философских повестей великого французского сатирика XVIII века Вольтера.

Повесть написана в 1768 году, в то время, когда освободительное движение в философии, искусстве и литературе, известное под именем Просвещения, вызванное борьбой буржуазных классов против феодализма, приобретало во Франции все более широкий демократический размах, все более острую политическую направленность и сливалось с растущим возмущением народных масс, предвещая близость революционного взрыва.

Вольтер, старейший из французских просветителей, в течение полувека стоял в центре движения и до конца своей долгой жизни оставался одним из его признанных вождей, одним из тех, кого Энгельс называл великими людьми, просветившими французские головы для приближавшейся революции.

В Просвещении Вольтер видел «великую революцию в умах» и связывал с ним свои надежды на будущее обновление социального порядка, на конечное торжество разума и справедливости. Он неутомимо боролся против черных сил феодального мира, верно служил родине своим единственным, но испытанным оружием — пером, в котором, по выражению Гюго, «легкость ветра сочеталась с мощностью грома».

Вольтер был гражданином и трибуном. Необычайной широте его общественных и духовных интересов соответствовала разносторонность его неистощимо могучего дарования. Он с одинаковым триумфом выступал как мыслитель и историк, как драматург и поэт, как литературный критик и памфлетист. Но в какую бы область знания ни углублялся Вольтер, он всегда ощущал себя политическим бойцом, для которого философия, история или поэзия не самоцель, а

средство развенчания отживающего мировоззрения и пропаганды новых, просветительских идей.

Особую роль отводил Вольтер литературе. В художественном слове он нашел наиболее живое средство воздействия на умы и чувства современников и приобщения их к передовой идеологии эпохи. Он сам, задолго до своих философских повестей, проверил силу всех существовавших в его время жанров, от монументальной классической трагедии до крылатой эпитафии, от торжественно-серьезной героической эпопеи до ядовито-насмешливого памфлета, и пришел к заключению, что «все жанры хороши, кроме скучного».

До нашего времени сохранили свое живое значение произведения Вольтера, в которых проявился его огромный сатирический дар. И здесь в первую очередь, наряду с поэмой «Орлеанская девственница», следует назвать его философские повести.

Вольтер был сатириком по глубокому внутреннему призванию, по самому складу своего ума и характера. Смех был его стихией, его оружием, которым он владел в совершенстве. «Без сомнения, — писал Герцен, — смех — одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния»¹. Своей разрушительной силой, направленной против всех общественных и идеологических форм феодально-абсолютистской системы, сатиры Вольтера отвечали настроениям и требованиям молодой, демократической Франции. Она смеялась вместе с властителем своих дум, и это был смех победителя если не политического, то морального, гордого своим превосходством над врагом и своим правом на первенство в обществе.

Стремясь соединить образно-сатирический показ действительности с глубоким философским содержанием, Вольтер создает в середине сороковых годов новый, особый художественный жанр, получивший впоследствии название философской повести. «Задиг», «Кандид», «Простодушный», «Царевна вавилонская» — венец всего, что написано Вольтером в прозе, и вместе с тем самое яркое порождение французского реализма XVIII века, века философского по преимуществу.

В своих повестях Вольтер решительно отходит от стеснительных правил классицизма, которым он ревниво следовал в драматургии. Перед нами новая, неповторимо своеобразная повествовательная форма, характерная тем, что в ней старые, прописные схемы уступают место свободной фантазии художника. Вольтер смело и последовательно осуществляет принцип просветительской теории «поучать, развлекая», который Бомарше позднее объявит «первым, а может

¹ А. И. Герцен, Об искусстве, изд. «Искусство», М. 1954, стр. 229.

быть, единственным законом комедии». Отсюда главная особенность вольтеровской повести — слияние занимательной авантюрно-фантастической фабулы с открытой, подчеркнутой философичностью.

На первый взгляд, головокружительная интрига повести может быть воспринята как цепь лишенных внутренней связи, а иногда и определенного смысла эпизодов, выбор и смена которых подчиняется только капризу рассказчика. На самом же деле над всем этим кажущимся столпотворением фантастических, окрашенных в экзотические тона картин, необыкновенных приключений, сказочных или карикатурных образов, философских споров и намеков царит могущественная ирония автора, его вездесущая мысль, которая сатирически сгущает и заостряет каждый факт, превращая его в символ огромной обобщающей силы. Основную идею повести автор иногда выносит в подзаголовок произведения, например «Задиг, или Судьба», «Кандид, или Оптимизм».

Основная идея «Царевны вавилонской» выражена в первой главе ее. Она может быть сведена к формуле, которая составляет существенную часть просветительского миропонимания вообще: человек рожден для счастья, но жизнь устроена плохо, и он обречен страдать. «Все присутствующие сошлись на одном: ...тяжбы, интриги, войны, богословские споры — все, что укорачивает человеческую жизнь, — бессмысленно и отвратительно; человек рожден лишь для счастья... Эта превосходная мораль, — иронически заключает Вольтер, — никогда не была опровергнута ничем, кроме фактов».

Развернуть картину жестокостей, безумств, заблуждений, стоящих на пути человека к счастью, подсказать читателю вывод о необходимости очистить мир от феодальной скверны и перестроить его на разумных началах — таков обширный замысел произведения, которого хватило бы на многотомный роман. Но Вольтер, стремясь быть доступным не только для образованных кругов, но и для масс, с помощью поэтических средств, заимствованных из народных сказок, сгущает материал до объема небольшой повести, потому что, как он говорил, «двадцать томов in folio не произведут революции. Можно опасаться только маленьких брошюр в двадцать су».

Действие начинается в древнем Вавилоне — но это лишь одна из многочисленных условностей в произведении. Вольтер весь в современности, и история любви, странствований и злоключений дочери вавилонского царя и юного пастуха из мифической страны гангаридов, разлученных злыми людьми, дает ему возможность сделать хотя и беглый, но весьма выразительный сатирический смотр ряду европейских стран, в частности феодально-католическим странам — Франции, Италии, Испании.

Обличая правящие классы феодального общества, Вольтер открыто, во весь голос высказывает свое презрение к светским и духовным властителям «по божественному праву», к вельможам, церковникам, служителям закона, цену которым он хорошо знал. Он «с отважной дерзостью француза», говоря словами Герцена, весело и остроумно смеется над ними, показывает их ничтожество, рисует их в нарочито сниженном, гротескно-ироническом плане, не оставляя камня на камне от всех средневековых святынь, которые охранялись законом, религией, традициями.

С особенным упорством преследует Вольтер католическую церковь — духовную опору феодального строя. Он заставляет своих героев совершить путешествие в Италию и Испанию с единственной целью еще раз обрушить свое негодование и сарказмы на римского папу, призванного, «согласно божественной воле, царить над вселенной», и его «ищеек» и «тунеядцев» — попов и монахов, «одна внешность которых наводила уныние на весь мир и которые, будь на то их воля, не задумываясь, разрушили бы его, только бы добиться хоть некоторого влияния». Вольтер клеймит фанатизм и мракобесие, фарисейство и корыстолюбие этих слуг церкви, распространивших свои щупальца на весь мир, освящавших именем бога любое беззаконие и преступление, вплоть до истребления целых народов в войнах.

Величайшим злом, приносившим неисчислимые страдания человечеству на всем протяжении его истории, Вольтер считал несправедливые грабительские войны. «Пороки всех времен и народов, вместе взятые, никогда не сравняются со злом, причиненным одной войной», — писал он в статье «О войне». Страстный поборник мира, он бросает в этой статье обвинение церковникам в том, что эти «врачеватели душ» пишут плохие проповеди о пороках, но стараются не говорить о войне, «об этих разнообразных убийствах, грабежах и разбоях, об этой повальной страсти, разоряющей мир», а в «Царевне вавилонской» он с горечью укоряет тех из своих соотечественников, которые, не зная иных занятий, кроме шуток и веселья, равнодушны к страданиям своей страны: «Когда им рассказывали о бедствиях, опустошавших их родину два века назад, о тех страшных временах, когда одна половина населения вырезала другую из-за пустяков, они соглашались, что это действительно дурно, но затем снова принимались смеяться и петь куплеты». Вольтер смело и прямо обличает виновников и зачинщиков войн, вскрывает их социальную сущность, с величайшим сочувствием говорит о судьбе людей, «посылаемых монархами по своей прихоти уничтожать друг друга из-за распри, с которыми два порядочных человека могли бы покончить в один час».

Сила Вольтера, художника и мыслителя, в отрицании, в разрушении всего старого, отжившего. Там, где он отрывается от современной ему феодальной действительности и пытается противопоставить ей свой идеал будущего общественного устройства, он неизменно оказывается в области несбыточных утопий. Вольтер, который в силу незрелости общественных отношений во Франции XVIII века не видел и не мог еще видеть исторической перспективы, вынужден был, говоря о будущем, прибегать к помощи воображения. Плодом воображения писателя является в «Кандиде» фантастическое царство Эльдорадо, а в «Царевне вавилонской» — счастливая страна гангаридов, население которой состоит из одних пастухов, к тому же еще питающихся растительной пищей. А в тех случаях, когда Вольтер начинает искать образцовые формы государственного устройства или примерных, достойных подражания правителей, он приходит к идеализации английской конституционной монархии или умиляется «гуманными» методами правления Екатерины II, как это видно из рассматриваемой повести.

И тем не менее не только всесокрушающая сатира Вольтера, но и его иллюзорное представление о будущем, питаемые благородной мечтой великого демократа и гуманиста о свободной и счастливой Франции, вдохновляли французский народ на революционную борьбу с феодально-абсолютистским строем.

И. Миримский

I

Старый Бел, владыка Вавилона, почитал себя избранником среди смертных, ибо все его царедворцы повторяли ему это, а историографы подкрепляли доводами. Оправданием этого смешного тщеславия могло служить лишь то, что предки его более чем за тридцать тысяч лет до него действительно основали Вавилон, сам же он способствовал украшению города. Известно, что его дворец и парк, расположенные в нескольких парасангах¹ от Вавилона, простирались между реками Евфратом и Тигром, которые омывали эти дивные берега. Огромный дворец, в три тысячи шагов вдоль фасада, возносился до облаков. Плоская крыша была обнесена мраморной балюстрадой высотой в пятьдесят футов и уставлена гигантскими изваяниями всех царей и всех великих мужей государства. Эта плоская крыша из двойного ряда кирпичей, покрытая из конца в конец плотным свинцовым настилом, была засыпана толстым слоем земли в двенадцать футов. На этой земле вырастили целые рощи оливковых, апельсиновых, лимонных, гвоздичных, кокосовых, коричных деревьев и пальм, образовавших аллеи, непроницаемые для солнечных лучей. Воды Евфрата, накачиваемые при помощи насосов в сотни полых колонн, собирались в обширные мраморные бассейны и затем по другим каналам устремлялись вниз, образуя гигантские, длиною в шесть тысяч футов, водопады и сотни тысяч фонтанов, бьющих на такую высоту, что верх струи был едва различим; затем все эти воды вновь возвращались в лоно Евфрата. Вися-

¹ Парасанга — персидская мера длины (ок. 5 км).

чие сады Семирамиды¹, изумлявшие Азию несколько столетий спустя, были лишь слабым подражанием этим древним чудесам, так как в эпоху Семирамиды начался упадок во всем и вырождение как мужчин, так и женщин.

Но что было всего прекраснее в Вавилоне и что затмевало все остальное, это дочь царя — Формозанта². Спустя века с ее изображений и статуй Пракситель³ изваял Афродиту, а также статую, известную под именем Венеры Каллипиги⁴. Но какая разница, о небо, между оригиналом и копиями! Бел справедливо гордился дочерью больше, чем царством. Ей минуло восемнадцать лет. Пора было найти ей достойного супруга; но где сыскать его? Древний оракул предсказал, что Формозанта будет принадлежать лишь тому, кто натянет лук Немврода⁵. Немврод, великий ловец перед господом, оставил после себя лук в семь вавилонских футов из черного дерева, более твердого, чем железо Кавказских гор, которое куют в кузницах Дербента. Ни один смертный со времен Немврода не мог натянуть тетиву этого волшебного лука.

И еще было предсказано, что рука, натянувшая лук, умертвит самого грозного, самого свирепого из львов, каких только видели на арене вавилонского цирка. Но и это было еще не все: стрелок из лука, победитель льва, должен был одолеть всех своих соперников, а главное — обладать острым умом, быть самым сильным и добродетельным из людей и владеть редчайшим сокровищем, которое когда-либо существовало на земле.

Три властелина дерзнули оспаривать руку Формозанты: египетский фараон, индийский шах и великий хан скифов.

Бел назначил день состязания и выбрал местом для него обширное поле в отдаленной части парка, которую

¹ Сады Семирамиды. — В Вавилоне, якобы по приказанию легендарной ассирийской царицы Семирамиды, были устроены «висячие сады», которые в древности считались одним из семи чудес света.

² Формозанта — от *formosa* (лат.) — красивая.

³ Пракситель — замечательный древнегреческий скульптор (IV в. до н. э.). Наибольшей славой пользовалась его статуя Афродита Книдская.

⁴ Венера Каллипига — название одной из античных мраморных статуй Венеры, создатель которой неизвестен.

⁵ Немврод — легендарный вавилонский царь, о котором упоминается в библии; изображается в виде охотника.

омывали сливавшиеся здесь воды Евфрата и Тигра. Вокруг ристалища возвели мраморный амфитеатр, вмещавший пятьсот тысяч зрителей. Против амфитеатра воздвигли трон царя, который должен был появиться с Формозантой, сопровождаемый всем своим двором. Справа и слева, между троном и амфитеатром, расположены были места трех государей и всех прочих князей и властителей, которые пожелали бы присутствовать на этом царственном празднестве.

Первым явился египетский фараон. Он ехал верхом на священном быке Аписе¹, держа в руке сistr² богини Изиды³. Его сопровождали две тысячи священнослужителей в полотняных одеждах белее снега, две тысячи евнухов, две тысячи магов и две тысячи воинов.

Затем появился царь индийский на колеснице, влекомой двенадцатью слонами. Он был окружен еще более пышной и многочисленной свитой, чем египетский фараон.

Последним прибыл царь скифов. С ним были лишь отборные воины, вооруженные луками и стрелами. Царь восседал на укрощенном им великолепном тигре, который ростом не уступал самым прекрасным персидским коням. Своей осанкой, представительной и величественной, царь затмевал обоих соперников. Его белые обнаженные мускулистые руки, казалось, уже натягивали лук Немврода.

Властелины простерлись ниц пред Белом и Формозантой. Египетский фараон преподнес принцессе двух самых прекрасных нильских крокодилов, двух гиппопотамов, двух зебр, двух египетских крыс, две мумии и книги великого Гермеса, которые, как он полагал, были редчайшим земным сокровищем.

Царь Индии поднес ей в дар сто слонов, на спинах которых высились деревянные золоченые башни, и положил к ее стопам «Веды»⁴, написанные рукой самого Ксаки⁵.

¹ А п и с — священный бык, которому поклонялись египтяне.

² С и с т р — древнегреческий музыкальный инструмент.

³ И з и д а — богиня плодородия у древних египтян.

⁴ «В е д ы» — священные книги древних индусов.

⁵ К с а к и — искаженное имя Сакия-Муни (Будды), религиозного реформатора Индии, которому приписывают основание буддизма (V в. до н. э.).

Скифский царь, не умевший ни читать, ни писать, подарил ей сто боевых коней, покрытых чепраками из шкур чернобурых лисиц.

Принцесса потупила взор перед своими поклонниками и грациозно, со скромным достоинством поклонилась им.

Бел приказал отвести царей на предназначенные для них места.

— Почему нет у меня трех дочерей? — воскликнул он. — Сегодня я мог бы сделать счастливыми шесть человек.

Затем он повелел бросить жребий, кому должно первому натянуть лук Немврода. Имена трех соискателей бросили в золотой шлем. Первый жребий вытянул фараон Египта, второй — индийский царь. Скифский царь, взглянув на лук и на соперников, не пожалел о том, что оказался последним.

Пока шли приготовления к блистательным испытаниям, двадцать тысяч пажей и двадцать тысяч молодых девушек ловко скользили между рядами зрителей, предлагая прохладительные напитки. Все присутствующие сошлись на одном: боги создали царей лишь для того, чтобы они устраивали ежедневно празднества — главное, как можно более разнообразные; жизнь слишком быстротечна, чтобы заполнить ее чем-нибудь иным; тяжбы, интриги, войны, богословские споры — все, что укорачивает человеческую жизнь, — бессмысленно и отвратительно; человек рожден лишь для счастья; он не любил бы столь страстно и неизменно наслаждения, если б не был создан для них; сущность человеческой природы — наслаждаться, все же остальное — суета сует. Эта превосходная мораль никогда не была опровергнута ничем, кроме фактов.

Когда все было готово к состязаниям, которые должны были решить судьбу Формозанты, какой-то юный незнакомец, сидевший, как и сопровождавший его слуга, верхом на единороге, подъехал к воротам, держа на руке большую птицу. Стража была поражена при виде человека богоподобной внешности, восседающего на единороге. То был, как говорили впоследствии, Геркулес с лицом Адониса. Величие в соединении с изяществом. Его черные брови, длинные белокурые волосы — сочетание, доселе неизвестное в Вавилоне, — пленили собравшихся. Весь амфитеатр поднялся, чтобы лучше разглядеть его;

придворные дамы взирали на него с изумлением. Сама Формозанта, которая все время сидела, потупив очи, взглянула на него и покраснела. Три царя побледнели. Зрители, сравнивая Формозанту с незнакомцем, восклицали:

— В целом мире никто не сравнится с царевной по красоте, кроме этого юноши!

Стража, оцепеневшая от изумления, спросила его, не царь ли он? Чужеземец ответил, что не удостоился этой чести и что прибыл он издалека, любопытствуя увидеть, есть ли на свете цари, достойные Формозанты. Его провели в первый ряд амфитеатра вместе со слугой, единорогами и птицей. Он низко склонился перед Белом, его дочерью, тремя царями, всем собранием и, зардевшись, занял свое место. Единороги легли у его ног, птица вспорхнула ему на плечо, а слуга, державший небольшой мешочек, сел рядом.

Состязания начались. Из золотого футляра был вынут лук Немврода. Главный церемониймейстер, в сопровождении пятидесяти пажей и предшествуемый двадцатью трубачами, поднес лук египетскому фараону, который повелел своим жрецам освятить его, затем возложил его на голову священного быка Аписа. Теперь он был твердо уверен, что победит в этом первом испытании. Он выходит на середину арены и пытается натянуть лук, он напрягает все силы, делает судорожные движения, вызывая смех зрителей и улыбку на устах Формозанты.

Его верховный жрец подошел к нему.

— Пусть ваше величество, — сказал он, — откажется от этой суетной чести, для которой нужны лишь нервы и мускулы. Вы восторгаетесь в остальном. Вы победите льва, ибо вам принадлежит меч Озириса. Царевна вавилонская должна принадлежать тому властелину, который мудрее всех, а вы разгадывали тайны. Она должна стать супругой того, кто всех добродетельнее, а вы являетесь таковым, ибо воспитаны жрецами Египта. Победу должен одержать самый щедрый, а вы подарили ей двух самых прекрасных крокодилов и двух самых прекрасных во всей дельте крыс. Вам принадлежит священный бык Апис и книги Гермеса, являющиеся редчайшими сокровищами мира. Никто не сможет оспаривать у вас Формозанту.

— Вы правы, — ответил фараон и вернулся на свой трон.

Лук вручили царю Индии. Он набил себе мозоли, от которых долго потом не мог избавиться, но тут же утешился мыслью, что скифский царь окажется не счастливее его. И вот царь скифов в свою очередь попытался натянуть тетиву. Он проявил и ловкость и силу. Казалось, лук приобрел в его руках некоторую гибкость, ему удалось слегка согнуть его, но натянуть тетиву он так и не смог. Зрители, которым приятное лицо царя внушило симпатию, испустили вздох разочарования при виде его неуспеха и решили, что прекрасной царевне не суждено выйти замуж.

Тогда на арену одним прыжком соскочил юный незнакомец.

— Не удивляйтесь тому, ваше величество, — сказал он царю скифов, — что вы не добились полного успеха. Эти луки из черного дерева выделывают на моей родине; тут надо знать, как за них взяться. Гораздо больше чести для вас согнуть его слегка, чем для меня натянуть его.

Быстро взяв стрелу, он натянул лук Немврода, и стрела полетела далеко за пределы ристалища. Буря рукоплесканий приветствовала этот подвиг. Вавилон гремел от приветственных кликов. А женщины восклицали:

— Какое счастье, что столь прекрасный юноша обладает такой силой!

Затем, вынув из кармана маленькую пластинку слоновой кости, незнакомец золотой иглой начертал на ней что-то, прикрепил ее к луку и с грацией, восхитившей зрителей, преподнес царевне. Потом скромно возвратился на свое место между птицей и слугой. Все вавилоняне были поражены. Трое владык пришли в замешательство. Незнакомец, казалось, ничего не замечал.

Формозанта удивилась еще более, прочитав на пластинке слоновой кости следующие, написанные на превосходном халдейском языке, строфы:

Немврода лук — оружие боевое,
Амура лук — оружие любви.
Он ваш теперь, блаженство неземное
Вы можете дарить, будя огонь в крови.
Три мощные царя вступили в состязанье,
И ваш единый взгляд для них теперь закон,
Ждет победителя счастливое венчанье
И зависть тех, кто будет побежден.

Этот изящный мадригал отнюдь не разгневал царевну. Несколько старых царедворцев раскритиковали его, сказав, что в былые времена Бела сравнили бы с солнцем, а Формозанту — с луной, шею ее — с башней, а грудь — с четвериком пшеницы. Они утверждали, что у чужестранца отсутствует воображение и он отступил от правил истинной поэзии, но дамы нашли стихи весьма изысканными. Они восхищались тем, что человек, столь ловко натянувший тетиву, вместе с тем и столь умен. Статс-дама царевны сказала:

— Ваше высочество, вот поистине таланты, пропадающие втуне. Что принесет этому молодому человеку его ум и лук Немврода?

— Общее восхищение, — ответила Формозанта.

— Ах, вот как, — пробормотала сквозь зубы статс-дама. — Еще один мадригал — и его полюбят!

А Бел, посоветовавшись со своими магами, объявил, что хотя ни один из трех царей не натянул тетивы Немвродова лука, тем не менее дочь его должна вступить в брак и будет обвенчана с тем, кто умертвит огромного льва, вскормленного специально для этого в зверинце. Фараон Египта, воспитанный по всем правилам мудрости своей отчизны, решил, что в высшей степени нелепо подвергать царя опасности быть разорванным диким зверем только для того, чтобы он мог вступить в брак. Он не отрицал, что обладание Формозантой — высокая награда, но полагал, что если лев растерзает его, то тем самым он навсегда лишится возможности стать супругом прекрасной вавилонянки. Царь Индии присоединился к мнению египтянина. Они решили, что вавилонский царь издевается над ними и им следует призвать войска, дабы наказать его; что у них достаточно подданных, которые почтут за честь умереть по приказу своих повелителей, причем с их священных голов не упадет ни единый волосок, что они легко свергнут с престола царя вавилонского и бросят жребий, кому из них обладать прекрасной Формозантой.

Придя к такому соглашению, оба царя отправили каждый в свою страну гонцов со спешным приказом набрать трехсоттысячную армию, чтобы похитить Формозанту.

Между тем скифский царь один выходит на арену, держа в руке ятаган. Он не был влюблен без памяти в прелестную Формозанту. До сей поры слава была его

единственной страстью, она-то и привлекла его в Вавилон. Он хотел доказать, что если владыки Индии и Египта оказались настолько благоразумными, что не пожелали связываться со львом, то у него хватит мужества принять бой и восстановить честь царского венца. Его редкая храбрость не позволила ему прибегнуть даже к помощи своего тигра. Он вышел на поединок со львом, легко вооруженный, увенчанный стальным шлемом с золотой насечкой, на котором реяли три белых, как снег, конских хвоста.

Против него выпустили самого огромного льва, какой был когда-либо вскормлен в горах Антиливана. Казалось, чудовищные когти льва способны растерзать сразу всех трех царей, а огромная пасть — поглотить их. Яростный рык разносился по всему амфитеатру. Стремительным броском два доблестных борца ринулись навстречу друг другу. Мужественный скиф глубоко вонзает меч в отверстие львиную пасть, но острое, наткнувшись на один из тех крепких клыков, которые никто не в силах поразить, разлетается на куски, и чудовище лесов, рассвирепев от раны, уже запускает окровавленные когти в тело царя.

Юный незнакомец, взволнованный опасностью, грозящей столь отважному царю, молниеносно бросается на арену и отсекает голову льву с той ловкостью, с какой впоследствии наши молодые кавалеры снимали на каруселях голову мавра или кольцо.

Потом, вынув маленькую коробочку, он преподносит ее скифскому царю со следующими словами:

— Ваше величество, в этой коробочке вы найдете настоящий ясенец¹, произрастающий на моей родине; от него мгновенно заживут ваши почетные раны. Лишь случайность помешала вам убить льва, но это отнюдь не умаляет вашей доблести.

Царь скифов, более склонный к признательности, чем к зависти, поблагодарил своего избавителя, нежно обнял его и удалился в свои покои, чтобы приложить ясенец к ранам.

Незнакомец отдал львиную голову своему слуге, тот обмыл ее в водоеме, находившемся ниже амфитеатра, выпустил из нее кровь и, вынув из мешка клещи, выдер-

¹ Я с е н е ц — лекарственное растение.

нул из пасти льва все сорок зубов, а на их место вставил сорок алмазов равной величины.

Его господин, с присущей ему скромностью, возвратился на свое место. Он отдал львиную голову птице.

— Прекрасная птица, — сказал он, — отнеси к ногам Формозанты этот ничтожный знак моего восхищения.

Птица взлетает, держа в когтях грозный трофей. Она складывает его к ногам царевны, почтительно изогнув шею и распластавшись перед ней. Блеск алмазов ослепил всех присутствующих. Пышный Вавилон не знал до сей поры такого великолепия. Считалось, что изумруды, топазы, сапфиры и карбункулы являются самыми драгоценными украшениями. Бел и весь двор пришли в восхищение. Птица, преподносящая этот дар, изумила их еще больше. Величиной она была с орла, но глаза ее были столь же кротки и нежны, сколь горды и грозны орлиные очи. Ее розовый клюв чем-то напоминал прелестные уста Формозанты. Шея птицы отливала всеми цветами радуги, но еще более яркими, более ослепительными. Оперение играло тысячью золотистых оттенков, лапы были словно из серебра и пурпура; хвосты тех божественных птиц, которых впоследствии впрягали в колесницу Юоны¹, померкли бы перед ее хвостом.

Внимание, любопытство, изумление, восторг всего двора устремлялись то на сорок алмазов, то на птицу. Она примостилась на балюстраде между Белом и его дочерью. Формозанта гладила, ласкала, целовала ее. Птица, почтительно наклонившись к ней, казалось, принимала ее ласки с удовольствием. Когда принцесса целовала птицу, та возвращала поцелуи, а потом глядела на Формозанту растроганным взглядом. Она осторожно брала от царевны бисквиты и фисташки своей серебристо-пурпурной лапой и с невыразимой грацией подносила их к клюву.

Бел, внимательно разглядев алмазы, пришел к выводу, что целая провинция его государства не окупила бы столь богатого дара. Он повелел приготовить для незнакомца подарки, еще роскошнее тех, которые предназначались трем царям.

— Этот юноша, — утверждал вавилонский царь, — несомненно, сын китайского императора или короля той

¹ Согласно античной мифологии, любимой птицей Юоны были павлины, часто изображавшиеся впряженными в ее колесницу.

части света, которую именуют Европой и о которой до меня доходили слухи; а может быть, он сын африканского царя, чьи владения, говорят, граничат с Египтом.

Бел немедленно отправил своего обер-шталмейстера приветствовать незнакомца и спросить его, не царь ли он или наследник престола какого-нибудь из этих государств и почему, владея такими изумительными сокровищами, он прибыл в сопровождении всего лишь одного слуги и только с одним небольшим мешком.

В то время как обер-шталмейстер приближался к амфитеатру, чтобы выполнить приказание, появился другой слуга, верхом на единороге. Он обратился к юноше со следующими словами:

— Ормар, отец ваш, заканчивает свое земное существование, я прибыл сообщить вам об этом.

Незнакомец поднял глаза к небу, залился слезами и воскликнул:

— В путь!

Обер-шталмейстер, передав приветствие Бела победителю льва, тому, кто преподнес сорок алмазов, хозяину чудесной птицы, спросил у слуги, каким же царством правит отец этого юного героя.

— Его отец — старый пастух, горячо любимый в округе, — ответил слуга.

Пока шел этот краткий разговор, незнакомец успел вскочить на единорога.

— Сударь, — сказал он обер-шталмейстеру, — благоволите передать выражение моей величайшей преданности Белу и его дочери и скажите ей, что я умоляю ее взять на свое попечение птицу, которую оставляю. Птица эта подобна самой царевне — она не имеет себе равных. — Сказав это, он умчался подобно молнии. Оба слуги устремились вслед за ним и вскоре исчезли из виду.

Формозанта успела только вскрикнуть. Птица, обернувшись к амфитеатру, где сидел хозяин, и не видя его, печально нахохлилась. Затем пристально посмотрела на царевну и нежно потерлась клювом о ее прекрасную руку. Она как будто давала обет служить ей отныне.

Царь был совершенно ошеломлен, узнав, что необыкновенный юноша — сын пастуха, и не поверил этому. Он приказал догнать Амазана, но вскоре ему доложили, что единороги скачут таким галопом, что их невозможно настичь; они бегут со скоростью ста лье в день,

Все толковали об этом странном происшествии и напрасно ломали себе головы, строя всевозможные догадки. Каким образом сын пастуха мог преподнести царевне сорок крупных алмазов? Почему он ездит на единороге? Эти вопросы ставили всех в тупик, а Формозанта, лаская птицу, погрузилась в глубокое раздумье.

Княжна Алдея, ее троюродная сестра, стройная и почти столь же прекрасная, как Формозанта, сказала ей:

— Не знаю, кузина, правда ли, что этот юный полу-бог — сын пастуха, но мне кажется, он выполнил все условия, дающие ему право на вступление в брак с вами. Он натянул лук Немврода, он победил льва, он очень умен, ибо посвятил вам изящный экспромт. Получив от него сорок огромных алмазов, вы не будете отрицать, что он самый щедрый из людей. Его птица — редчайшее сокровище на земле. Его добродетель достойна удивления, так как, имея возможность остаться с вами, он, не колеблясь, уехал, услышав о болезни отца. Все требования оракула он выполнил, кроме одного — повергнуть в прах соперников, но он поступил благородней, он спас жизнь единственному, которого мог опасаться. Что же касается двух остальных, то, надеюсь, вы не сомневаетесь, что он легко одолел бы их, если бы возникла в том необходимость.

— Все это сущая правда, — ответила Формозанта, — но возможно ли, что лучший из людей, и к тому же столь любезный, — сын пастуха?

Вмешавшаяся в беседу статс-дама заявила, что нередко под словом «пастырь» разумеют царя, что пастырями их зовут потому, что они весьма рьяно стригут пасомых, что то была, вероятно, лишь неподобающая шутка со стороны его слуги, что юный герой только потому появился в сопровождении такой скромной свиты, что желал подчеркнуть, насколько его личные достоинства превосходят блеск царей, и хотел быть обязанным завоеванием Формозанты только себе. В ответ на эти слова царевна осыпала птицу нежнейшими ласками.

Между тем шли приготовления к блистательному торжеству в честь трех царей и всех приехавших на празднество властителей. Дочь и племянница царя должны были почтить пир своим присутствием. Царям отнесли подарки, достойные великолепия Вавилона. Бел, в ожидании тра-

пезы, созвал Совет, чтобы решить вопрос о браке прекрасной Формозанты. Будучи тонким политиком, он заявил:

— Я стар, ума не приложу, что делать и за кого отдать мою дочь. Заслуживший ее — ничтожный пастух. Царь Индии и фараон Египта — трусы. Царь скифов подошел бы больше других, но он не выполнил ни одного из требуемых условий. Я еще раз спрошу оракула, а вы тем временем посовещайтесь, и в зависимости от ответа оракула мы решим, что делать, ибо царю всегда надлежит поступать согласно священной воле бессмертных богов.

Он идет в свою молельню. Оракул, как обычно, отвечает кратко: «Дочь твоя вступит в брак не раньше, чем постранствует по свету».

Изумленный Бел возвращается и сообщает собравшимся полученный ответ.

Все министры питали глубокое уважение к оракулам. Все признавали, или делали вид, что признают, будто они основа религии, что разуму должно умолкнуть перед ними, что цари с их помощью управляют народами, а жрецы — царями, что не будь оракулов, не было бы на земле ни добродетели, ни покоя. В конце концов, выразив оракулу глубочайшее почтение, министры почти единогласно решили, что на этот раз предсказание оракула оказалось дерзким, что ему не следует подчиняться, что непристойно девице, к тому же дочери могущественного царя Вавилона, пускаться в беспцельные странствия, что это верный способ никогда не выйти замуж или же обвенчаться тайно, то есть неподобающим, неприличным образом, — одним словом, что оракул этот лишен здравого смысла.

Самый молодой и самый умный из министров, по имени Онадаз, сказал, что, несомненно, оракул имел в виду какое-нибудь паломничество к святым местам, и предложил сопровождать царевну. Совет согласился с его мнением, но каждый предлагал в сопровождающие себя. Царь решил, что царевна может отправиться в храм, находящийся в трехстах парасангах от города, по дороге в Аравию, на поклонение святому, слышшему устройте-лем счастливых браков, и что сопровождать ее будет старшина Совета. Приняв это решение, все отправились ужинать.

Среди садов, между двумя каскадами, высился овалной формы чертог в триста футов диаметром. Его лазоревый свод, усеянный золотыми звездами, воспроизводил точное расположение созвездий и планет. Он вращался, подобно тверди небесной, управляемый таким же невидимым механизмом, какие управляют заоблачным движением. Сто тысяч светильников в цилиндрах из горного хрусталя освещали столовую изнутри и снаружи. Буфет, в виде амфитеатра, заключал в себе двадцать тысяч золотых ваз и блюд. Амфитеатр напротив был заполнен музыкантами. Два других были загромождены: один — плодами всех времен года, второй — хрустальными амфорами, в которых искрились все вина земного шара.

Гости заняли места за пиршественным столом, украшенным цветами и фруктами из драгоценных камней. Прекрасная Формозанта сидела между царем индийским и фараоном Египта, прекрасная же Алдея — рядом с царем скифов.

Было здесь еще человек тридцать князей, и возле каждого сидела прелестнейшая придворная дама. Царь Вавилона, восседавший посредине, против дочери, казалось, и скорбел, что не нашел ей достойного супруга, и в то же время радовался, что она еще подле него. Формозанта попросила у него разрешения посадить свою птицу возле себя на стол. Царь охотно согласился.

Музыка заглушала голоса, и каждый принц мог свободно беседовать со своей соседкой. Пир протекал столь же весело, сколь пышно. Формозанте подали рагу, любимое кушанье ее отца. Она сказала, что яство это следовало бы подать его величеству; птица тотчас же с неподражаемой ловкостью схватила блюдо и поднесла его царю. Все несказанно удивились. Бел так же, как и дочь его, приласкал птицу, и та, вспорхнув, полетела обратно к Формозанте. Пролетая, птица распустила свой чудесный хвост; ее распростертые крылья отливали такими дивными красками, золото оперения отбрасывало столь ослепительный блеск, что от нее нельзя было отвести глаз. Музыканты перестали играть и застыли неподвижно. Никто не ел, разговор прекратился, слышен был лишь восхищенный шепот. В продолжение всего ужина царевна ласкала птицу, забыв обо всех царях на свете.

А цари индийский и египетский кипели от досады и негодования, и каждый дал себе слово ускорить прибытие своих трехсоттысячных армий, чтобы отомстить.

Что же до скифского царя, то он был поглощен беседой с прелестной Алдеей. Его гордое сердце без досады пренебрегло невниманием Формозанты и преисполнилось равнодушием к ней.

— Она прекрасна, слов нет, — говорил он, — но, кажется, принадлежит к числу тех женщин, которые поглощены своей красотой и полагают, что род человеческий должен им быть благодарен за то, что они великодушно разрешают людям любоваться ими. В моей стране не поклоняются идолам. Я предпочел бы приветливую и обходительную дурнушку этой прекрасной статуе. Вы, ваше высочество, не менее очаровательны, однако снисходите до беседы с чужеземцами. С откровенностью скифа признаюсь, что отдаю предпочтение вам перед вашей кухней.

Однако он заблуждался относительно характера Формозанты: она не была столь высокомерна, какой казалась; но комплимент его был весьма благосклонно принят принцессой Алдеей. Беседа их становилась все интереснее, они остались очень довольны друг другом и уже до того, как закончился пир, между ними установилось полное согласие.

После ужина все отправились погулять в сад. Царь скифов и Алдея поспешили отыскать укромную беседку. Алдея, очень откровенная по натуре, сказала царю:

— Я не питаю ненависти к моей кухне, хотя она прекраснее меня и ей предназначен трон Вавилона. Зачем мне красота, если я удостоилась чести понравиться вам? Я предпочитаю Скифию с вами Вавилону без вас. Но по праву, если только в мире вообще существует право, вавилонская корона принадлежит мне, ибо я происхожу от старшей ветви потомков Немврода, а Формозанта — от младшей. Ее дед отнял престол у моего деда и умертвил его.

— Так вот как уважают кровное родство цари Вавилона! — воскликнул скиф. — Как звали вашего деда?

— Его имя было Алдей, как и мое. Отец мой носил то же имя, он вместе с моей матерью был сослан вглубь страны, и Бел, после их смерти, уже ничего не опасаясь,

пожелал воспитывать меня вместе со своей дочерью, но решил никогда не выдавать замуж.

— Я отомщу за вашего отца, за вашего деда и за вас! — воскликнул царь скифов. — Ручаюсь вам, что вы выйдете замуж. На утренней заре, послезавтра, я увезу вас, потому что завтра должен присутствовать на обеде у вавилонского царя, а потом вернусь сюда с трехсоттысячной армией, чтобы восстановить ваши погранные права.

— Я буду ждать вас, — ответила прекрасная Алдея, и, поклявшись друг другу в верности, они расстались.

Давно уже несравненная Формозанта удалилась к себе в опочивальню. Она приказала поставить возле своего ложа серебряный ящик и в нем апельсинное деревцо для птицы. Полог был задернут, но Формозанта не могла заснуть: слишком взволнованы были ее сердце и воображение. Перед ее мысленным взором всплывал образ прекрасного незнакомца. То она видела, как он натягивает лук Немврода, то следила, как одним взмахом меча он отсекает голову льву, то повторяла его мадригал, и когда ей представилось, как он, вырвавшись из толпы, мчится на своем единороге, — она разразилась рыданиями и горестно воскликнула:

— О! Я не увижу его больше! Он никогда не вернется.

— Он вернется, ваше высочество, — отозвалась с верхушки апельсинного дерева птица. — Можно ли, однажды увидев вас, не стремиться к вам снова?

— О небо! О силы небесные! Моя птица заговорила на чистейшем халдейском языке! — воскликнула царевна и, откинув полог, протянула к ней руки, встав на колени на своем ложе. — Не божество ли вы, сошедшее на землю, не таится ли сам великий Оромазд¹ под этим дивным оперением? Если вы божество, то прошу вас, верните мне прекрасного юношу.

— Я всего лишь птица, — ответила она, — но я родилась еще в ту пору, когда животные умели говорить и птицы, змеи, ослицы, грифы запросто беседовали с людьми. Я не хотела говорить в присутствии людей из опасения, что ваши придворные дамы примут меня за колдунью. Вам одной я откроюсь.

¹ Оромазд (или Ормузд) — бог света в древнеперсидской религии, находился в постоянной борьбе с богом мрака — Ариманом.

Потрясенная, сбита с толку, очарованная таким множеством чудес, Формозанта взволнованно требовала ответа на сотню одновременно поставленных вопросов. Прежде всего она спросила, сколько же птице лет.

— Двадцать семь тысяч девятьсот лет и шесть месяцев, ваше высочество, — ответила та. — Мне столько же лет, сколько длится малый небесный оборот, который ваши жрецы именуют преддверием равноденствия: он завершается приблизительно в двадцать восемь тысяч лет по вашему летоисчислению. Бывают обороты, длящиеся намного больше, и есть среди нас создания более древние, чем я. Вот уже двадцать две тысячи лет, как я, во время одного из моих путешествий, научилась говорить по-халдейски и с тех пор полюбила этот язык, но другие создания, мои собратия, не пожелали говорить в ваших краях.

— Почему же, моя божественная птица?

— Увы, потому, что люди усвоили с течением времени привычку питаться нашим мясом, вместо того чтобы беседовать с нами и учиться у нас. Варвары! Им следовало бы знать, что мы, обладая теми же органами, теми же чувствами, потребностями, стремлениями, что и они, обладаем, как и они, так называемой душой, что мы были их братья, а варить и есть можно только злых. Мы настолько родственны вам, что великий творец, бессмертный создатель, заключив договор с людьми¹, сознательно уномянул в нем о нас. Он запретил вам питаться нашей кровью, а нам — высасывать вашу.

Басни вашего древнего Локмана², переведенные на множество языков, останутся незыблемым свидетельством того счастливого общения, которое вы когда-то поддерживали с нами. Все они начинаются словами: «В ту пору, когда животные умели говорить». Правда, среди вас есть много женщин, которые продолжают разговаривать со своими собаками, но те решили никогда больше не отвечать им, с тех пор как их стали принуждать ударами плети охотиться и быть сообщниками

¹ См. гл. IX Книги Бытия и гл. III, XVIII, XIX Экклезиаста. (Прим. Вольтера.)

² Локман — арабский легендарный мудрец, которому приписывается сборник басен на арабском языке, относящийся к XII или XIII в.

в убийстве наших прежних общих друзей: оленей, ланей, зайцев и куропаatok.

У вас сохранились еще древние поэмы, в которых кони говорят; ваши возницы и теперь ежедневно беседуют с ними, но так грубо и пользуясь такими подлыми словами, что кони, некогда очень любившие вас, ныне вас ненавидят.

Страна, где проживает ваш прекрасный незнакомец, самый совершенный среди людей, — единственная страна, где ваша порода еще умеет любить нашу и беседовать с нами, и это единственный край на земле, где люди справедливы.

— Где же находится страна моего дорогого незнакомца? Как имя этого героя? Как называется царство, которым он правит? Мне столь же трудно поверить в то, что он пастух, как в то, что вы летучая мышь.

— Его страна, ваше высочество, — это страна гангаридов¹, народа добродетельного и несокрушимого, населяющего восточный берег Ганга. Имя моего друга Амазан. Он не царь, и я сильно сомневаюсь, чтобы он пожелал низвести себя до этого сана. Он слишком сильно любит своих соотечественников; он такой же пастух, как они. Но не думайте, что эти пастухи похожи на ваших пастухов, едва прикрытых лохмотьями, которые пасут овец, одетых неизмеримо теплее, чем они сами, и, изнемогая под бременем нищеты, выплачивают сборщику податей половину жалкого заработка, полученного от хозяев. Гангаридские пастухи равны между собой; им самим принадлежат бесчисленные стада овец, пасущихся на вечно цветущих равнинах. Овец этих никогда не убивают. Ибо убить и съесть себе подобных значит нанести тяжчайшее оскорбление Гангу. Шерсть этих овец, более тонкая и блестящая, чем самый великолепный шелк, служит главным предметом торговли с Востоком. К тому же земля гангаридов родит все, что только может пожелать человек. Крупные алмазы, которые Амазан имел честь поднести вам, добыты из россыпи, ему принадлежащей. Все гангариды, так же как и он, ездят на единорогах. Это самое прекрасное, самое гордое, самое грозное и ласковое из животных, украшающих землю. Сто ганга-

¹ Г а н г а р и д ы — название мифического народа, который якобы жил по берегам Ганга.

ридов с помощью сотни единорогов могли бы рассеять бесчисленные армии. Около двухсот лет назад некий индийский царь был столь безумен, что, пожелав завоевать страну гангаридов, явился туда в сопровождении десяти тысяч слонов и миллиона воинов. Единороги пронзали слонов, словно полевых жаворонков, которых я видела на вашем столе во время пира нанизанными на маленькие золотые вертелы. Под взмахами сабель гангаридов враги падали точно стебли риса, подсекаемые серпами жителей Востока. Царь и более шестисот тысяч воинов были взяты в плен. Царя искупали в целебных водах Ганга и обязали подчиниться местным обычаям в еде, то есть питаться растениями, самой природой предназначенными кормить все живое. В людях, питающихся убоиной и отравленных крепкими винами, течет кровь прокисшая и воспаленная, она на сто ладов сводит их с ума, и основное их безумие — это страсть проливать кровь ближних и опустошать плодородные земли, чтобы впоследствии царствовать над кладбищами. Шесть месяцев понадобилось для полного излечения царя Индии. Когда врачи убедились наконец, что пульс его стал ровнее и разум просветлел, они представили Совету гангаридов свидетельство о состоянии его здоровья. Совет, выслушав также мнение единорогов, великодушно разрешил царю Индии, его чванным придворным и тупицам-воинам возвратиться к себе на родину. Этот урок образумил их, и с той поры народы Индии уважают гангаридов, подобно тому как у вас люди невежественные, но жаждущие знаний, уважают халдейских философов, хотя не могут с ними сравняться.

— Кстати, моя дорогая птица, — спросила царица, — есть ли у гангаридов религия?

— Конечно, ваше высочество! Каждое полнолуние мы собираемся и возносим хвалу господу. Чтобы ничем не отвлекаться, мужчины и женщины молятся порознь, в двух обширных храмах из кедра. Птицы слетаются на молитву в рощу, четвероногие собираются на чудесном лугу. Мы благодарим бога за все дарованные нам блага. Попугаи у нас особенные мастера читать проповеди. Такова отчизна моего дорогого Амазана. Там я живу. Мои дружеские чувства к нему столь же горячи, как и любовь, которую он внушил вам. Послушайте меня, отправимся туда вместе, вы отдадите ему визит.

— Вы, дорогая птица, поистине занялись отличным ремеслом, — с улыбкой сказала царевна, горя желанием отправиться в путь, но не смея признаться в этом.

— Я служу моему другу, — отвечала птица, — и величайшее благо после счастья любить вас — это способствовать вашей любви.

Формозанта была вне себя от восторга: ей казалось, что она парит над землей. Все, чему она в течение дня была свидетельницей, все, что видела, что слышала сейчас, а главное, все, что ощущала в своем сердце, — погружало ее в упоение, далеко превосходящее то, которое испытывают ныне взысканные судьбою мусульмане, когда, освобожденные от земных уз, они зрят себя на девятом небе, в объятиях гурий, опьяненными и овеянными славой и небесным блаженством.

IV

Всю ночь царевна провела в расспросах об Амазане. Она теперь называла его не иначе, как «мой пастушок» — прозвище, которое у многих народов впоследствии стало тождественно со словом «возлюбленный». То она хотела знать, не было ли раньше у Амазана других возлюбленных. «Нет», — отвечала птица, и Формозанта чувствовала себя на вершине счастья. То она допытывалась, какой образ жизни он ведет, и с восторгом узнавала, что он употребляет свое время на добрые дела, на занятия искусствами, что он изучает тайны природы и стремится к самоусовершенствованию. То она спрашивала, сродни ли душа птицы душе Амазана и почему птица прожила двадцать восемь тысяч лет, а ее возлюбленный всего восемнадцать — девятнадцать. Она задавала сотни подобных вопросов, на которые птица отвечала сдержанно, чем еще сильнее возбуждала ее любопытство. Наконец сон смежил их очи и отдал Формозанту во власть ниспосылаемых богами сновидений, которые порой бывают ярче самой жизни и которых вся халдейская философия иногда не в силах истолковать.

Формозанта проснулась очень поздно. Когда к ней вошел отец, в опочивальне еще царил полумрак. Птица встретила его величество с приветливой учтивостью, вышла ему навстречу, захлопала крыльями, изогнула шею

и затем взлетела обратно на свое апельсинное деревце. Царь присел на ложе дочери, ставшей еще прекрасней от приятных сновидений. Коснувшись длинной бородой ее милого лица и дважды поцеловав ее, царь сказал:

— Дорогая дочь моя, вчера вы не нашли себе супруга, вопреки моим надеждам. Однако вы должны выйти замуж, этого требует благо государства. Я советовался с оракулом, который руководит всеми моими действиями и, как вам известно, никогда не лжет. Он сказал, чтобы я отправил вас странствовать. Вам необходимо совершить путешествие.

— Ах, — воскликнула царица, — конечно, к гангаридам! — Когда у нее сорвались эти слова, она сразу же почувствовала, что их не следовало говорить. Царь, не имевший никакого понятия о географии, спросил ее, кто такие эти гангариды? Формозанта легко нашла отговорку. Царь сообщил ей, что она должна совершить паломничество, что он уже назначил людей в ее свиту. Это — старшина государственного совета, верховный священнослужитель, придворная дама, врач, аптекарь и ее птица, а также необходимое ей количество слуг. Формозанта, которая никогда не покидала дворца своего царственного родителя и вплоть до дня празднества в честь трех владык и Амазана вела очень тусклую жизнь среди великолепия придворного этикета и обманчивого веселья, была в восторге от предстоящего ей паломничества. «Кто знает, — думала она, — быть может, боги внушат моему дорогому гангариду мысль тоже предпринять паломничество к тому же храму, и мне улыбнется счастье повстречать милого паломника?» Она нежно поблагодарила отца, уверив его, что всегда чувствовала тайное влечение к божеству, поклониться которому ее теперь посылают.

Царь дал в честь гостей изысканный обед, на котором присутствовали только мужчины. Выбор приглашенных оказался неудачным: цари, князья, министры, священники — все завидовали друг другу, все взвешивали каждое свое слово, все были в тягость своим соседям и самим себе. Трапеза протекала уныло, хотя было много выпито. Обе царицы не выходили из своих покоев, занятые хлопотами перед отъездом. Они пообедали у себя без всякой пышности. Затем Формозанта отправилась на прогулку в дворцовый парк, взяв с собой свою

дорогую птицу; та, чтобы позабавить царевну, перелетала с дерева на дерево, распутив свой великолепный хвост и сияя оперением.

Египетский фараон, разгоряченный вином, чтобы не сказать пьяный, приказал своему пажу подать ему лук и стрелы. По правде говоря, этот правитель был самым неловким стрелком в своем государстве. Когда он стрелял в цель, то самое безопасное место было то, куда он метил. Но дивная птица, быстрая в полете как стрела, метнулась под выстрел и упала, истекая кровью, на руки Формозанты. Фараон, глупо засмеявшись, удалился в свои покои. Царевна пронзительно вскрикнула, зарыдала, стала терзать себе лицо и грудь. Птица прошептала, умирая:

— Сожгите меня и не забудьте отвезти мой пепел в счастливую Аравию, к востоку от города Адема, или Эдема¹, там положите его на солнце, на небольшой костер из гвоздичного и коричневого деревьев. — И она испустила дух.

Долго лежала Формозанта в беспамятстве, а когда пришла в себя, то снова залилась слезами.

Отец разделял ее скорбь и проклинал фараона, не сомневаясь, что это происшествие предвещает беду. Поэтому он немедленно отправился к своему оракулу. Оракул изрек: «Все смешалось — смерть и жизнь, измена и постоянство, утрата и выигрыш, бедствие и счастье». Царь со своими советниками ничего не понял, но все же он был доволен, что выполнил долг благочестия.

Пока он вопрошал оракула, его неутешная дочь приказала совершить погребальный обряд над останками птицы, во исполнение ее последней воли, и решила отвезти ее пепел в Аравию, чего бы это ей ни стоило. Птицу вместе с ее апельсинным деревом сожгли на несгорающем горном льне. Царевна собрала пепел в золотую урну, украшенную карбункулами и алмазами, извлеченными из львиной пасти. Ах, если бы она могла вместо исполнения этого печального траурного обряда заживо сжечь ненавистного египетского фараона! Это было ее единственное желание. В порыве досады она приказала убить

¹ Адем, или Эдем, — легендарная местность, земной рай, где, согласно библейскому преданию, жили первые люди — Адам и Ева.

двух его крокодилов, обоих гиппопотамов, обеих зебр, обеих крыс и бросить в Евфрат обе его мумии; попадись ей в руки бык Апис, она и его не пощадила бы.

Египетский фараон, вне себя от подобного оскорбления, немедленно покинул страну, намереваясь ускорить прибытие своей трехсоттысячной армии. Индийский царь, видя, что его союзник отбыл, сам в тот же день выехал на родину, твердо решив присоединить триста тысяч своих воинов к египетским войскам. Царь скифов вместе с Алдеей тайно выехал ночью с непреклонным намерением возвратиться во главе трехсоттысячной армии скифов, чтобы отвоевать у узурпатора вавилонское царство, принадлежащее Алдее, как наследнице старшей ветви. А прекрасная Формозанта в три часа утра пустилась в путь со своей свитой, утешаясь мыслью, что едет в Аравию выполнить последнюю волю своей птицы и что, быть может, милость бессмертных богов вернет ей дорогого Амазана, без которого она уже не могла жить.

Итак, царь вавилонский, проснувшись утром, оказался в одиночестве.

— Конец празднествам! — воскликнул он. — Какую странную пустоту ощущаешь в душе после всего этого шума и сутолоки. — Однако он вспылал поистине царским гневом, когда узнал о похищении Алдеи. Он приказал разбудить всех министров и созвать Совет. В ожидании их прихода он не преминул обратиться к оракулу, но ничего от него не добился, кроме изречения, которое приобрело с тех пор широкую известность во всем мире: «Если девушек не выдают замуж — они сами находят себе мужей».

Немедленно отдан был приказ трехсоттысячной армии выступить против скифского царя. Вот каким образом разгорелась одна из самых ужасных войн в результате самого пышного и веселого праздника, какой когда-либо давался на земле. Четыре армии, по триста тысяч человек каждая, грозили опустошить всю Азию. Всякий поймет, что Троянская война, удивившая несколько столетий спустя весь мир, была по сравнению с этой лишь детской забавой; но следует также принять во внимание, что в Троянской войне распря возникла из-за женщины уже пожилой и весьма распутной, дважды добившейся, чтобы ее похитили, тогда как здесь дело касалось двух девушек и птицы.

Индийский царь отправился поджидать свою армию на широкую прекрасную дорогу, которая тогда шла напрямик от Вавилона к Кашмиру. Скифский царь с Алдеей устремились по живописной дороге, ведущей к горе Имаус. Впоследствии все эти дороги из-за небрежного к ним отношения исчезли. Египетский фараон направился на запад и двинулся вдоль берегов небольшого моря, именуемого Средиземным, которое невежественные евреи впоследствии прозвали «Великим морем».

А прекрасная Формозанта следовала по Бассорской дороге, обсаженной высокими пальмами, дававшими вечную тень и во все времена года приносившими плоды. Храм, куда она направилась на поклонение, находился в самой Бассоре. Святой, в честь коего воздвигли храм, был в некотором роде прообразом того святого, которому много позже поклонялись в Лампсаке¹. Он не только обеспечивал девушек мужьями, но и сам частенько заменял их. Это был самый почитаемый святой в Азии.

Формозанту ничуть не занимал бассорский чудотворец. Ей грезился лишь ее любимый гангаридский пастух, ее прекрасный Амазан. Она предполагала сесть в Бассоре на корабль и отплыть в счастливую Аравию, чтобы исполнить последнюю волю птицы.

На третью ночь пути, едва лишь она вошла на постоянный двор, где гоф-фурьеры приготовили для нее помещение, как ей доложили, что вслед за ней сюда прибыл и фараон Египта. Получив от своих шпионов сведения о пути следования царевны, он тотчас же изменил свой первоначальный маршрут и последовал за ней в сопровождении многочисленной вооруженной свиты.

Прежде всего он ставит стражу у всех выходов постоянного двора, поднимается в комнату прекрасной Формозанты и говорит ей:

— Ваше высочество, именно вас-то я и искал. Вы мало обращали на меня внимания в Вавилоне. Справедливость требует, чтобы спесь и своеобразие были наказаны; вы будете столь любезны, что отужинаете со мной сегодня вечером; вы разделите со мной ложе, и в дальнейшем я поступлю в зависимости от того, буду я вами доволен или нет.

¹ В греческом городе Лампсаке поклонялись Приапу — богу сладострастия и чувственных наслаждений.

Формозанта тотчас же сообразила, что сила не на ее стороне. Она великолепно понимала, что здравый смысл требует уменья применяться к обстоятельствам, и решила освободиться от фараона, прибегнув к какой-нибудь невинной хитрости. Взглянув на него искоса, что много веков спустя стало называться «делать глазки», она молвила с прелестной скромностью, вкрадчивостью, смущением и множеством других очаровательных уловок, способных свести с ума самого разумного мужчину и сбить с толку самого прозорливого:

— Признаюсь вам, ваше величество, что я ни разу не осмеливалась взглянуть на вас, когда вы почтили моего царственного отца своим посещением. Я не ручалась за свое сердце, стыдилась своей наивной непосредственности. Я трепетала, опасаясь, что мой отец и ваши соперники заметят предпочтение, которое я оказываю вам и которое вы, несомненно, заслуживаете. Теперь же я могу свободно отдаться своим чувствам. Клянусь быком Аписом, которого после вас почитаю больше всего на свете, что ваши предложения восхитили меня. Я уже имела честь ужинать с вами у царя, моего отца, и еще раз с удовольствием поужинаю с вами здесь, не стесняемая его присутствием. Единственно, о чем я прошу вас, — пусть ваш верховный жрец выпьет вместе с нами. В Вавилоне он показался мне очень приятным сотрапезником. У меня с собой чудесное вино Шираза, я хочу, чтобы вы оба отведали его. Что же касается вашего второго предложения, то оно очень соблазнительно, но не пристало знатной девушке говорить о подобных вещах. Удовлетворитесь тем, что я считаю вас самым могущественным правителем и самым очаровательным мужчиной.

Эти слова вскружили фараону голову. Он охотно согласился пригласить к ужину верховного жреца.

— Хочу просить вас еще об одной милости, — сказала царевна, — допустите ко мне моего аптекаря. Молодые девушки часто страдают легкими недомоганиями, требующими известного лечения. То у них головокружение, то сердцебиение, то колики, то удушье — болезни, требующие в определенных условиях определенного режима. Словом, мне нужен мой аптекарь; надеюсь, что вы не откажете мне в этом скромном доказательстве любви.

— Ваше высочество, — ответил фараон, — хотя мы с аптекарем стоим на совершенно противоположных точках зрения и орудия его ремесла не совпадают с моими, но я слишком хорошо воспитан, чтобы отказать вам в такой законной просьбе. Я велю, чтобы он явился к вам еще до ужина. Несомненно, путешествие несколько утомило вас. Вам, конечно, необходима служанка. Прикажете позвать ту, которая вам всего приятнее, а затем я буду ждать ваших повелений и надеяться на вашу благосклонность.

Он удалился. Вошли аптекарь и служанка по имени Ирла. Царевна вполне доверяла ей. Она приказала ей принести шесть бутылок ширазского вина для ужина и таким же вином напоить всю стражу, несущую караул возле арестованных вавилонских офицеров. Затем она приказала аптекарю всыпать в бутылки снотворное, от которого люди засыпали на двадцать четыре часа — аптекарь всегда держал его про запас. Ее приказания были исполнены в точности. Через полчаса явился фараон в сопровождении верховного жреца. Ужин прошел очень оживленно. Фараон и жрец осушили шесть бутылок до дна и признали, что подобного вина в Египте не найти. Служанка постаралась напоить слуг, которые подавали к столу. Сама Формозанта не выпила ни капли, объясняя это тем, что врач предписал ей диету. Вскоре все уснуло.

У верховного жреца египетского фараона была роскошная борода, приличествующая его сану. Формозанта очень ловко остригла ее и, приказав пришить к ней ленточку, подвязала к своему подбородку. Она облачилась в его одеяние, не забыв ни одного из знаков его жреческого достоинства, а служанку нарядила слугителем богини Изиды. Захватив урну и драгоценности, она вышла с постоялого двора и миновала стражей, спящих так же, как и их господин. Служанка позаботилась о том, чтобы у ворот их ожидали две оседланные лошади. Царевна не могла взять с собой никого из своей свиты, иначе их задержал бы наружный караул.

Формозанта в сопровождении Ирлы проехала сквозь двойной ряд воинов, принявших ее за верховного жреца; они называли ее «пресвятой отец» и просили благословения. Беглянки добрались до Бассоры в двадцать четыре часа — прежде чем фараон успел проснуться. Тут

они, чтобы не возбуждать подозрений, сбросили свой маскарадный наряд и спешно зафрахтовали судно, которое доставило их через Ормуздский пролив к прекрасному берегу Эдема, в счастливую Аравию. Это был тот самый Эдем, сады которого так прославились, что впоследствии их стали считать обителью праведников. Они явились прообразом Елисейских полей, садов Гесперид и садов на Счастливых Островах¹, ибо в этих жарких странах люди не мыслят себе большего блаженства, чем тенистая сень и журчание воды. Жить вечно в небесах в общении с верховным существом или гулять в саду, называемом раем, оказалось одним и тем же, потому что люди не понимали друг друга и не научились еще ясно мыслить и правильно выражаться.

Как только царица прибыла в эту страну, она прежде всего решила, согласно завещанию, воздать своей дорогой птице погребальные почести. Своими прекрасными руками она сложила из гвоздичных и коричных сучьев небольшой костер. Каково же было ее изумление, когда костер, на который она положила пепел, вспыхнул сам собой. Все быстро сгорело. Вместо пепла появилось большое яйцо, из которого вылупилась ее птица, еще более ослепительная, чем прежде. Это было самое прекрасное мгновение в жизни Формозанты. Прекраснее могло быть лишь одно; она страстно желала его, но не надеялась.

— Теперь я вижу, — сказала она, — что вы птица Феникс², о которой мне так много рассказывали. Я готова умереть от радости и удивления. Я не верила в воскресение из мертвых, но мое счастье убедило меня.

— Ваше высочество, воскресение из мертвых — самое простое явление в мире, — ответил ей Феникс. — Родиться дважды не более удивительно, чем родиться один раз. Все в мире возрождается. Гусеница возрождается в бабочке, орех, упавший наземь, — в дереве. Все животные, зарытые в землю, перерождаются в травы, в растения и питают других животных, частью которых становятся сами. Все частицы, составлявшие некогда живое

¹ Елисейские поля — царство мертвых, где в блаженстве пребывают души праведных (*греч. миф.*). Сады Гесперид. — Нимфы Геспериды жили в садах на Счастливых Островах и стерегли золотые яблоки, дарующие вечную юность (*греч. миф.*).

² Феникс — сказочная птица арабских легенд, сгорающая на костре и возрождающаяся из пепла.

существо, переродились в другие создания. Правда, я единственное существо, которому могущественный Оромазд даровал милость — возрождаться в своем прежнем облике.

Формозанта, которая с той поры, как увидела Амазана и Феникса, не переставала ежеминутно удивляться, сказала:

— Я понимаю, что великое божество могло возродить из вашего праха, Феникс, птицу, подобную той, какую вы были, но, признаюсь, мне непонятно, как можете вы быть тем же существом и обладать той же душой, какой обладали. Где была ваша душа, пока я после вашей смерти носила вас в кармане?

— Боже мой, сударыня, разве великому Оромазду труднее проявить свою власть над крошечной искрой моего существа, нежели создать его вновь? Он уже некогда даровал мне инстинкт, память, способность мыслить и сейчас дарует их вновь. Оттого, что он благословил этой милостью только частицу таящегося во мне первоначального огня, а не весь мой организм, по существу ведь ничего не меняется. И птица Феникс и люди никогда не узнают, как это происходит. Но величайшая милость, которой одарило меня божество, — это та, что оно воскресило меня для вас. Почему не могу я провести те двадцать восемь тысяч лет, которые мне суждено прожить до нового возрождения, с вами и моим Амазаном?

— Мой милый Феникс, вспомните, что первые слова, сказанные вами мне в Вавилоне и которых я никогда не забуду, поселили во мне надежду вновь увидеть моего дорогого пастуха. Мы непременно должны вместе отправиться к гангаридам и привезти его в Вавилон.

— Таково мое намерение, — сказал Феникс. — Нельзя терять ни минуты. Надо следовать за Амазаном кратчайшим путем, то есть по воздуху. В счастливой Аравии, на расстоянии всего ста пятидесяти миль отсюда, проживают два грифа¹, мои близкие друзья. Я пошлю им с голубиной почтой письмо, и до наступления темноты они прилетят сюда. Мы успеем заказать для вас небольшой удобный диван с ящиками для необходимой провизии, вам и вашей служанке будет очень уютно в этой повозке. Эти

¹ Гриф — фантастический образ восточных сказок; животное с телом льва и с головой и крыльями орла.

грифы самые сильные из их породы. Каждый будет держать в когтях одну из ручек дивана. Но повторяю: дорого каждое мгновение.

Птица тут же отправилась вместе с Формозантой к знакомому мебельному мастеру заказать диван. Спустя четыре часа диван был готов. В ящики его были положены сдобные хлебцы, бисквиты, превосходившие качеством вавилонские, лимоны, ананасы, кокосовые орехи, фисташки и эдемское вино, которое настолько же вкуснее ширазского, насколько последнее превосходит сюренское.

Диван был и удобен, и легок, и прочен. Грифы прилетели в назначенный час. Формозанта и Ирла уселись в экипаж. Грифы, словно перышко, подняли его в воздух. Феникс то летел рядом, то садился на спинку дивана. Грифы устремились к Гангу с быстротой стрелы, рассекающей воздух. Остановки были недолгими, лишь ночью, чтобы поесть и напоить пернатых возниц.

Наконец они прибыли в страну гангаридов. Сердце царевны трепетало от надежды, любви, радости. Феникс приказывает спуститься возле дома Амазана. Он хочет поговорить с ним, но узнает, что три часа тому назад Амазан покинул дом и уехал в неизвестном направлении.

Нет слов даже на языке гангаридов, чтобы передать отчаяние, овладевшее Формозантой.

— Увы! Этого-то я и опасался, — сказал Феникс. — Те три часа, которые вы провели на постоялом дворе, по дороге в Бассору, с этим злополучным фараоном Египта, отняли у вас, быть может навсегда, счастье вашей жизни. Боюсь, что вы безвозвратно утратили Амазана.

Феникс спросил слуг, разрешат ли им приветствовать мать Амазана, но те ответили, что супруг ее позавчера скончался и она никого не принимает.

Феникс, бывший в доме запросто, провел вавилонскую царевну в покой, стены которого были обшиты апельсиновым деревом, выложенным полосками слоновой кости. Подпаски-мальчики и подпаски-девочки в белоснежных длинных одеждах, опоясанные яркооранжевыми лентами, подали ей в сотне ваз из простого фарфора сто изысканных яств, среди которых не было ни единого искусно замаскированного трупа. Тут были рис, саго, манна, вермишель, макароны, омлет, сбитые на молоке яйца, сливочные сырки, всевозможные печенья, овощи, фрукты, такие душистые и такие сладкие, о каких в других странах не

имеют представления. Были также в изобилии прохладительные напитки, превосходящие по качеству лучшие вина.

В то время как царица вкушала яства, сидя на ложе из роз, четыре павлины или павы, по счастью немые, овеивали ее своими блистающими крыльями. Хор в двести птиц, сто пастухов и сто пастушек исполнял концерт. Соловьи, канарейки, малиновки, зяблики одновременно с пастушками пели дискантом. Пастухи пели альтом и басом, а все вместе было прекрасно и естественно, как сама природа. Царица признала, что если Вавилон блистал большой роскошью, то у гангаридов природа была в тысячу раз пленительнее. Но пока звучала утешительная и ласкающая слух музыка, царица плакала.

— Пастухи и пастушки, соловьи и канарейки наслаждаются любовью, а я лишилась гангариды-героя, достойного моих самых нежных и страстных мечтаний, — так говорила она своей служанке Ирле.

В то время как она ужинала и то восхищалась, то плакала, Феникс говорил матери Амазана:

— Госпожа моя, вы не можете отказать в свидании вавилонской царице. Вы знаете...

— Я знаю все, вплоть до ее приключений на постоянном дворе по дороге в Бассору. Сегодня утром мне обо всем рассказал черный дрозд. Этот жестокий дрозд виноват в том, что мой сын обезумел от отчаяния и покинул отчий дом.

— Так, значит, вам неизвестно, что царица воскресила меня?

— Нет, дорогое дитя, я узнала от дрозда, что вы умерли, и была неутешна. Я была так сильно расстроена вашей смертью, кончиной моего мужа, внезапным отъездом сына, что закрыла для всех двери моего дома. Но так как вавилонская царица оказала мне честь и приехала ко мне, то пригласите ее поскорее сюда. Мне необходимо сообщить ей очень важные известия, я прошу и вас присутствовать при этом свидании...

И она тотчас же направилась в соседний покой, на встречу царице.

Ей нелегко было ходить: этой женщине было уже около трехсот лет, но она до сей поры еще не утратила остатков своей былой красоты. Видно было, что в двести тридцать — двести сорок лет она была прекрасна.

Она приняла Формозанту приветливо и с достоинством, и ее сочувствие и печаль произвели на царевну сильное впечатление.

Формозанта прежде всего выразила ей соболезнование по случаю кончины ее супруга.

— Увы, — ответила мать Амазана, — его смерть коснулась вас гораздо ближе, чем вы думаете.

— Конечно, я очень огорчена, — ответила Формозанта, — ведь он был отцом...

Сказав это, она заплакала.

— Ведь только ради него спешила я сюда, подвергая множеству опасностей. Ради него покинула я отца и самый блестящий в мире двор. Царь Египта, которого я ненавижу, похитил меня. Ускользнув от этого насильника, я пролетела огромное пространство, чтобы увидеть того, кого люблю. Я здесь, и что же? Он бежит от меня!

Рыдания и слезы пресекли ее речь.

Но вот заговорила мать Амазана:

— Ваше высочество, когда царь Египта задержал вас и вы ужинали с ним по дороге в Бассору, когда вы вашими прекрасными руками наливали ему ширазское вино, то не заметили ли вы порхающего по комнате черного дрозда?

— Как же, я тогда не обратила на него внимания, а сейчас припоминаю очень отчетливо, что когда фараон встал из-за стола, чтобы поцеловать меня, то дрозд, пронзительно чирикая, вылетел в окно и уже не возвращался.

— Увы, сударыня! — сказала мать Амазана. — Это послужило причиной всех наших несчастий. Мой сын послал этого дрозда для того, чтобы тот разузнал, как вы себя чувствуете и что происходит в Вавилоне, рассчитывая вскоре возвратиться туда, пасть к вашим ногам и посвятить вам всю свою жизнь. Вы и представить себе не можете, как пламенно он обожает вас. Все гангариды умеют любить и хранить верность, но мой сын — самый страстный и самый постоянный из них. Дрозд увидел вас на постоялом дворе: вы весело пировали с фараоном и с каким-то омерзительным священником. Мало того, он видел, как вы нежно поцеловали того самого царя, который убил Феникса и к которому сын мой питает непреодолимое отвращение. При виде этого дрозд почувствовал

справедливое негодование и улетел, проклиная вашу несчастную любовь. Сегодня он вернулся сюда, он все рассказал, но, боже праведный, он прилетел в тот час, когда мы с сыном оплакивали смерть отца, смерть Феникса, в тот час, когда он узнал от меня, что приходится вам троюродным братом.

— О небо! Мой троюродный брат! Возможно ли это? Каким образом? Как? Неужели мне выпало на долю такое счастье? И в то же время я так несчастна оттого, что оскорбила его!

— Сын мой — ваш троюродный брат, говорю вам, — продолжала мать, — и я докажу вам это. Но, найдя родственницу, я теряю сына. Ему не пережить горя, причиненного поцелуем, который вы подарили царю Египта.

— О тетушка! — воскликнула прекрасная Формозанта, — клянусь вашим сыном и великим Оромаздом, этот злосчастный поцелуй отнюдь не был изменой, он был самым неопровержимым доказательством любви, какое я могла дать вашему сыну. Ради него я ослушалась отца; ради него совершила я путешествие от Евфрата до Ганга. Будучи захвачена недостойным царем Египта, я лишь обманным путем смогла бежать. Призываю в свидетели прах и душу Феникса, которые были в то время в моем кармане. Он может подтвердить, что я невинна. Но каким образом сын ваш, рожденный на берегах Ганга, мог оказаться моим родственником, когда наш род уже столько веков царствует на берегах Евфрата?

— Знаете ли вы, — сказала почтенная гангаридка, — что ваш двоюродный дед Алдей был вавилонским царем и был свергнут с престола отцом Бела?

— Да, я это знаю.

— Вам известно, что его сын имел рожденную в законном браке дочь, царевну Алдею, воспитанную при вашем дворе? Вот этот-то царь, преследуемый вашим отцом, бежал в нашу благословенную страну, где скрывался под чужим именем. Он стал моим супругом, и у нас родился сын Алдей-Амазан, самый прекрасный, самый сильный, самый неустрашимый, самый добродетельный, а ныне самый безумный из смертных. Он отправился на празднество в Вавилон, наслышавшись о вашей красоте. С той поры вы сделали его кумиром, и, быть может, я никогда больше не увижу сына.

Она разложила перед царевной все грамоты, подтверждающие знатность рода Алдеев. Формозанта еле удостоила их взглядом.

— Ах, — воскликнула она, — как можно бесстрастно исследовать то, что любишь! Сердце мое верит вам. Но где Алдей-Амазан? Где мой родственник, мой возлюбленный, мой царь? Где жизнь моя? Куда он ушел? Я буду искать его на всех планетах вселенной, самым прекрасным украшением которых он является. Я буду искать его на звезде Каноп, на звездах Шит и Альдебаран. Я докажу ему мою любовь и мою невинность.

Феникс подтвердил непричастность царевны к тому преступлению, которое ей приписывал дрозд, обвинявший ее в том, что она поцеловала фараона; но необходимо было разубедить Амазана и вернуть его домой.

Феникс разослал во все концы птиц и единорогов, и, наконец, ему донесли, что Амазан отправился в Китай.

— Ну, так едем в Китай, — воскликнула царевна. — Путь туда недолог... Не позже чем через две недели я возвращу вам сына.

Как плакали, расставаясь; мать гангарида и вавилонская царевна, сколько было поцелуев, сколько сердечных излияний!

Феникс тут же приказал запрячь в карету шестерку единорогов. Мать Амазана отрядила для охраны царевны-племянницы двести всадников и подарила ей несколько тысяч лучших местных алмазов. Феникс, опечаленный злом, которое причинила болтливость дрозда, распорядился изгнать из страны всю эту породу, и с той поры на берегах Ганга никогда не увидишь черного дрозда.

V

Единороги менее чем за неделю домчали Формозанту, Ирлу и Феникса в Камбалу — столицу Китая. Город этот был крупнее Вавилона, и его великолепие было совсем иного рода. Новизна предметов и своеобразие нравов и обычаев заинтересовали бы Формозанту, не будь она так сильно поглощена мыслью об Амазане.

Лишь только китайский император узнал о прибытии к воротам столицы вавилонской царевны, как тотчас же выслал ей навстречу четыре тысячи мандаринов, об-

лаченных в парадные одежды. Все они простерлись перед царевной ниц, и каждый преподнес ей приветствие, написанное золотыми буквами на свитках алого шелка. Формозанта сказала им, что если бы у нее было четыре тысячи языков, то она, конечно, тут же ответила бы каждому мандарину в отдельности, но имея всего лишь один, она просит мандаринов простить ей, если она поблагодарит их всех разом.

Мандарины почтительно проводили ее к императору.

То был самый справедливый, самый вежливый, самый мудрый правитель на земле. Это он первый своими царственными руками обработал небольшое поле, чтобы внушить своим народам уважение к земледелию. Он первый ввел награды за добродетель, тогда как во всех других странах законы постыдно ограничивались лишь карой за преступления. Этот же император только что изгнал из своей империи шайку иноземных бонз¹, прибывших с запада в безрассудной надежде заставить весь Китай мыслить, как они, и под предлогом возвещения истины уже успевших приобрести богатства и почести.

Изгоняя их, император произнес следующие слова, увековеченные в летописях страны:

«Вы могли бы посеять здесь столько же зла, сколько посеяли в других местах. Вы прибыли проповедовать догматы нетерпимости самому веротерпимому народу на земле. Я изгоняю вас, чтобы не быть когда-нибудь вынужденным покарать вас. Вас с почетом проводят до границы моей империи. Вас снабдят всем, чтобы вы могли возвратиться к границам того полушария, откуда вы прибыли. Идите с миром, если можете пребывать в мире, и больше не возвращайтесь сюда».

Царевна вавилонская с радостью узнала об этом приговоре и этих словах. Она теперь была уверена в благоклонном приеме при дворе, потому что самой ей была глубоко чужда нетерпимость. Китайский император, обеды с ней вдвоем, был так учтив, что отменил все стеснительные церемонии этикета. Царевна представила ему Феникса, которого император обласкал. Птица села на спинку его кресла. В конце обеда Формозанта доверчиво поведала ему о причине своего путешествия и попросила

¹ Намек на изгнание из Китая миссионеров-иезуитов, о чем Вольтер написал статью «Отчет об изгнании иезуитов из Китая в 1768 г.».

дать приказ найти в Камбалу прекрасного Амазана, о похождениях которого рассказала, не утаив также своей роковой страсти к юному герою.

— Об этом можете мне не рассказывать! — воскликнул китайский император. — Он доставил мне удовольствие, приехав в мою столицу. Он пленил меня своей учтивостью. Правда, он очень печален, но его привлекательное лицо стало от этого еще красивее. Ни один из моих приближенных не может с ним сравниться по уму. Ни один мандарин судейского сословия не обладает столь обширными познаниями, ни один мандарин военного звания не обладает столь мужественной и героической внешностью, как он. Его крайняя молодость только повышает цену его талантов. Если бы я был столь несчастлив, что меня покинули бы Тиен и Чангти и мной овладела бы страсть к завоеваниям, я попросил бы Амазана стать во главе моих войск и уверен, что победил бы всю вселенную. Очень жаль, что горе иногда мутит его разум.

— Ах, ваше величество, — с глубокой печалью, душевным волнением и укором воскликнула Формозанта, — почему вы не пригласили Амазана к обеду? Я умру от горя, позовите его поскорее.

— Ваше высочество, он уехал сегодня утром и не сказал, в какие края направил свой путь.

Формозанта обратилась к Фениксу.

— О Феникс! Видел ли ты когда-нибудь девушку несчастнее меня? Но, ваше величество, — продолжала она, — почему решил он покинуть так неожиданно столь гостеприимный двор, как ваш, при котором, как мне кажется, каждый пожелал бы остаться на всю жизнь!

— Произошло следующее, ваше высочество: одна из самых очаровательных принцесс крови влюбилась в него и назначила ему у себя свидание в полдень. А он уехал на рассвете, оставив моей родственнице письмо, над которым она пролила немало слез:

«Прекрасная китайская принцесса, вы достойны сердца, которое до вас никогда никого бы не любило. Я же дал клятву бессмертным богам вечно любить одну лишь Формозанту, вавилонскую царевну, и научить ее, как должно во время путешествия обуздывать свои страсти. Она имела несчастье прельститься недостойным фараоном египетским. Я несчастнейший из людей. Я утратил отца, и Феникса, и надежду быть любимым Формо-

зантой. Я покинул угнетенную горем мать и свою отчизну, ибо не мог оставаться там, где узнал, что Формозанта любит другого. Я поклялся объехать весь свет и быть верным моей любви. Вы питали бы ко мне презрение и боги покарали бы меня, если бы я нарушил свою клятву. Изберите себе другого возлюбленного, ваше высочество, и будьте так же верны, как я».

— Ах, отдайте мне это прекрасное письмо, оно будет служить мне утешением! — воскликнула Формозанта. — В моем несчастье я все же счастлива. Амазан любит меня! Ради меня он отвергает любовь китайских принцесс. На всем земном шаре только он один способен одержать над собой такую победу. Он подает мне великий пример верности, но Феникс знает, что я в примере не нуждаюсь. Как жестоко лишиться возлюбленного из-за самого невинного поцелуя, который я дала, движимая лишь чувством верности. Но куда же он поехал? Какой избрал путь? Благоволите разъяснить мне это — и я уеду.

Китайский император ответил, что, судя по полученным сведениям, ее возлюбленный направился в страну скифов. Тотчас же запрягли единорогов, и царица, сердечно распростившись с императором, двинулась в путь в сопровождении Феникса, своей служанки Ирлы и всей свиты.

Прибыв в Скифию, она яснее чем когда-либо увидела, насколько люди и правительства различны; они всегда будут отличаться друг от друга до той поры, пока какой-нибудь народ, более просвещенный, чем остальные, не передаст из рук в руки свет знания после тысячелетий тьмы и невежества и пока в варварских странах не появятся героические души, которые найдут в себе силу и упорство сделать из варваров просвещенных людей. В Скифии не было городов, а следовательно, и никаких изящных искусств. Кругом простирались лишь обширные степи, и народы жили в палатках или повозках. Это зрелище внушало ужас. Формозанта спросила, в которой палатке или повозке обитает царь. Ей ответили, что неделю тому назад он, став во главе трехсот тысяч всадников, двинулся в поход против вавилонского царя, у которого похитил племянницу, прекрасную царевну Алдею.

— Он похитил мою троюродную сестру! — восклик-

нула Формозанта. — Вот неожиданная новость! Как! Моя кузина, которая могла почитать за счастье состоять при моем дворе, теперь царица, а я еще не замужем!

И она немедленно приказала отвести себя в палатку царицы.

Неожиданная встреча в этой отдаленной стране, необычайные новости, которыми они взаимно поделились, придали их встрече задушевность, заставившую их забыть, что они никогда не любили друг друга. Они встретились радостно. Истинную нежность заменила сладостная иллюзия. Они со слезами обняли друг друга, и между ними воцарилась даже дружеская непринужденность и откровенность, так как встреча происходила не во дворце.

Алдея узнала Феникса и доверенную служанку Ирлу. Она подарила кухне собольи меха, а та одарила ее алмазами. Говорили о войне, предпринятой обоими царями, оплакивали участь людей, посылаемых монархами по своей прихоти уничтожать друг друга из-за распрей, с которыми два порядочных человека могли бы покончить в один час. Но главным образом говорили о прекрасном чужестранце, который победил льва, подарил самые крупные в мире алмазы, об авторе мадригала, обладателе птицы Феникс, ставшем по вине черного дрозда несчастнейшим из людей.

— Это мой дорогой брат! — говорила Алдея.

— Это мой возлюбленный! — восклицала Формозанта. — Вы, конечно, видели его? Может быть, он еще здесь? Ибо он ведь знает, кузина, что он ваш брат. И он не покинул бы вас так внезапно, как покинул китайского императора.

— О боги! Как же мне было его не видеть! — воскликнула Алдея. — Он прожил здесь у меня целых четыре дня. Ах, кузина, как он несчастен! Ложный донос совершенно свел его с ума. Он бродит по свету, сам не зная зачем. Вообразите: безумие настолько овладело им, что он отверг любовь самой прекрасной женщины в Скифии. Он уехал вчера, послав ей письмо, от которого та пришла в отчаяние. Он направился к киммерийцам¹.

¹ Киммерийцы — кочевой народ, живший на северном побережье Черного моря (до VIII в. до н. э.); здесь киммерийцами Вольтер называет русских.

— Хвала богу! — воскликнула Формозанта. — Еще одно отречение ради меня! Счастье мое превзошло все мои надежды, как несчастье — мои опасения. Отдайте мне это чудесное письмо, чтобы я уехала, чтобы я следовала за ним, имея на руках свидетельства его верности. Прощайте, кузина, Амазан у киммерийцев. Лечу туда.

Алдея нашла, что царевна Формозанта, ее кузина, еще более безумна, чем ее брат Амазан, но так как она сама когда-то переживала приступы той же болезни, отказавшись ради скифского царя от веселья и блеска вавилонского двора, и так как женщины всегда сочувствуют безрассудству, причина которого — любовь, то она искренне растрогалась, пожелала Формозанте счастливого пути и обещала содействовать ее любви, если когда-нибудь ей посчастливится снова увидеть брата.

VI

Вскоре царевна вавилонская и Феникс приехали в империю киммерийцев, правда значительно менее населенную, чем Китай, но вдвое превосходящую его размерами, когда-то ничем не отличавшуюся от Скифии, но с некоторых пор ставшую столь же цветущей, как государства, которые чванились тем, что просвещают другие страны.

После нескольких дней пути Формозанта прибыла в большой город, украшению которого способствовала царствующая императрица. Ее в городе не было; она в ту пору объезжала свои владения от границ Европы до границ Азии, желая собственными глазами все увидеть и узнать о нуждах людей, найти средства помочь им, умножить благосостояние, распространить просвещение.

Один из главных сановников этой древней столицы, уведомленный о прибытии вавилонянки и Феникса, поспешил устроить царевне торжественную встречу, уверенный, что его государыня, самая любезная и самая блестящая из цариц, будет ему благодарна за то, что он встретил столь высокую особу, оказывая ей те же почести, какие оказала бы она сама.

Формозанте отвели покои во дворце, от которого отогнали докучливую толпу. В ее честь устраивали затейливые празднества. Киммерийский вельможа — великий

знаток естественных наук — подолгу беседовал с Фениксом, когда царица удалялась в свой покой. Феникс поведал ему, что когда-то он уже побывал в стране киммерийцев и теперь этой страны не узнать.

— Каким образом в столь короткий срок, — удивлялся он, — достигнуты такие благодетельные перемены? Не минуло еще и трехсот лет с тех пор, как во всей своей свирепости здесь господствовала дикая природа, а ныне царят искусства, великолепие, слава и утонченность.

— Мужчина положил начало этому великому делу, — ответил киммериец, — женщина продолжила его¹. Эта женщина оказалась лучшей законодательницей, чем Изиды египтян и Церера греков. Большинство законодателей обладали ограниченной и деспотической мыслью, замкнувшей их кругозор пределами той страны, которой они управляли. Каждый рассматривал свой народ как единственный на свете или же как народ, обреченный жить во вражде с другими. Эти законодатели основали учреждения каждый только для своего народа, ввели обычаи только для него одного, создали только для него религию. Вот почему египтяне, столь прославленные своими нагромождениями камней, огрубели и опозорили себя варварскими суевериями. Они смотрят на остальные народы как на невежд, они ни с кем не вступают в сношения, и, за исключением царского двора, который иногда пренебрегает низменными предрассудками, вы не встретите ни одного египтянина, который согласился бы есть из того же блюда, каким пользовался чужестранец. Их жрецы жестоки и тупы. Лучше уж совсем не иметь законов и следовать только велению природы, запечатлевшей в сердцах наших понятие добра и зла, чем подчинять общество столь диким законам.

Наша императрица преследует совершенно иные цели. Она рассматривает свое обширное государство, которое обнимает все меридианы, как существующее для всех народов, живущих на этих меридианах. Первым законом, изданным ею, был закон о свободе вероисповеданий и терпимости ко всякого рода заблуждениям. С присущей ей гениальностью она поняла, что если вероисповедания различны, то законы нравственности всюду одинаковы. Руководясь этим убеждением, она пород-

¹ Вольтер имеет в виду Петра I и Екатерину II.

нила свой народ с народами всего мира; для киммерийца и скандинав и китаец братья. Она сделала больше. Она пожелала, чтобы драгоценная веротерпимость, это основное звено, связующее людей, привилось бы и у ее соседей. Таким образом, она заслужила имя матери своей отчизны и заслужит имя благодетельницы рода человеческого, если будет настойчиво преследовать свою цель.

До нее люди, к несчастью имеющие власть, посылали орды убийц грабить неизвестные племена и обагрять их кровью земли их отцов. Этих убийц называли героями. Разбой называли славой. Наша государыня прославлена иначе. Она посылала свои войска, чтобы водворить мир, чтобы помешать людям творить зло, чтобы заставить их относиться друг к другу терпимо, и ее знамена были знаменами всеобщего умиротворения.

Восхищенный всем, что он услышал, Феникс сказал:

— Сударь, вот уже двадцать семь тысяч девятьсот лет и семь месяцев, как я живу на свете, и никогда не приходилось мне видеть ничего подобного тому, о чем вы рассказываете.

Он спросил, знает ли вельможа что-нибудь о его друге Амазане. Киммериец рассказал ему то же самое, что рассказывали царевне у скифов и у китайцев. Амазан, боясь поддаться соблазну, покидал двор и страну, в которой гостил, как только какая-нибудь придворная дама назначала ему свидание. Феникс поторопился сообщить Формозанте о новом доказательстве постоянства ее возлюбленного, постоянства тем более примечательного, что он не мог предполагать, что царевна когда-нибудь узнает об этом.

Как выяснилось, он уехал в Скандинавию. В этой стране его поразили невиданные им до сей поры картины. Тут королевская власть и свобода не враждовали между собой, это был союз, немыслимый в других государствах. Земледельцы принимали участие в законодательстве наравне с вельможами, а юный правитель подавал блестящие надежды стать достойным главой свободной страны¹. Но еще более удивительным было то, что единственный король, который в силу договора со своим народом являлся самым неограниченным властелином на земле,

¹ Наследный принц Швеции, будущий король Густав III; претендовал на роль просвещенного монарха, «философа на троне», но фактически восстановил неограниченную королевскую власть.

был в то же время и самым молодым и самым справедливым.

У сарматов Амазан застал на троне философа. Его можно было назвать «королем анархии», ибо он являлся главою ста мелких правителей, из которых каждый мог одним словом отменить решение всех остальных. Эолу легче было управлять непрестанно спорящими между собой ветрами, чем этому монарху примирять все противоречия. Он был словно кормчий среди непрерывных бурь, а между тем корабль не разбивался. Король был превосходным кормчим.

Проезжая все эти страны, столь отличные от его родины, Амазан упорно избегал всякого встававшего на его пути соблазна, ибо он постоянно помнил о поцелуе, который Формозанта подарила фараону, и все решительнее укреплялся в своем непостижимом намерении показать Формозанте пример верности единственной и нерушимой.

Царевна и Феникс следовали за ним по пятам, отставая лишь на один или два дня. Он был неутомим в своем стремлении вперед, они — в своем стремлении нагнать его.

Так пересекли они всю Германию, восхищаясь успехами разума и философии на севере. Все властители там были людьми просвещенными, все поощряли свободу мысли. Их воспитание отнюдь не доверялось людям, заинтересованным в обмане, или тем, которые сами заблуждались. Они воспитывались в уважении к нравственным правилам и презрении к суевериям. Во всех этих государствах был уничтожен бессмысленный обычай, ослаблявший и приводивший к вымиранию многие южные страны, — обычай погребать заживо в огромных узилищах неисчислимое количество людей обоего пола, навеки разлучая их друг с другом и заставляя их поклясться никогда друг с другом не общаться. Это крайнее безумие, державшееся века, опустошало землю не менее, чем самые жестокие войны.

Северные правители поняли наконец, что если существует конный завод, то не следует отделять самых сильных жеребцов от кобылиц. Они уничтожили также и другие, не менее странные и не менее вредные заблуждения. Наконец-то люди на этих бесконечных просторах осмелились быть разумными, тогда как в других странах еще продолжали верить, будто людьми можно управлять лишь до тех пор, пока они глупы.

Затем Амазан приехал в Батавию. В горе своем сердце его все же испытало сладостное удовлетворение, когда он увидел страну, отдаленно напоминающую счастливую страну гангаридов: свобода, равенство, чистоплотность, довольство, веротерпимость. Но женщины страны были столь холодны, что ни одна из них не пыталась, как это было повсюду, прельстить его. Ему не пришлось проявить стойкости. Если бы он обратил внимание на этих дам, то легко покорил бы их одну за другой, не будучи любим ни одной. Но он далек был от мысли о победах над сердцами. Формозанта почти настигла его у этого бескровного народа. Она опоздала лишь на мгновение.

В Батавии Амазану так расхваливали остров Альбион¹, что он решил погрузиться вместе со своими единорогами на корабль, который при попутном восточном ветре доплыл за четыре часа к берегам этой земли, более прославленной, чем Тир и остров Атлантида.

Прекрасная Формозанта, следовавшая за ним берегом Двины, Вислы, Эльбы и Везера, приезжает, наконец, к устью Рейна, вливавшего тогда свои быстрые воды в Немецкое море.

Она узнает, что ее дорогой возлюбленный поплыл к берегам Альбиона. Ей кажется, что вдали мелькает его корабль. Она не в силах сдержать радостных восклицаний, вызывающих изумление всех женщин Батавии, которые не представляли себе, что молодой человек может явиться причиной такого восторга. Что же касается Феникса, то на него они не обращали никакого внимания, решив, что его перья меньше годятся на продажу, чем перья гусей или болотных птиц. Царевна вавилонская наняла, или зафрахтовала, два судна, которые должны были перевезти ее со свитой на тот счастливый остров, гостем которого вскоре станет единственный предмет ее желаний, дыхание ее жизни, кумир ее сердца.

В то самое мгновенье, когда верный и несчастный Амазан уже вступал на берег Альбиона, вдруг подул яростный западный ветер. Суда вавилонской царевны не смогли отплыть. Горькая тоска, тяжкая скорбь, глубокая печаль охватили Формозанту. Горюя, легла она в постель

¹ Альбион — древнее название Англии.

в ожидании, пока переменится ветер, но восемь дней он дул с неистовой яростью. Восемь дней, которые казались ей веками, Ирла читала царевне вслух романы. Это не значит, что батавцы умели их писать, но поскольку они были всемирными посредниками, то они торговали мыслями других народов так же, как и их товарами. Царевна приказала купить у Марка-Мишеля-Рея¹ все повести, написанные в странах авзонян и вельхов², где распространение этих книг было мудро воспрещено с целью обогатить Батавию. Царевна надеялась найти в этих историях что-нибудь похожее на ее приключения и тем усыпить свое горе. Ирла читала, Феникс высказывал свое мнение, а царевна не находила ни в «Крестьянине-выскочке», ни в «Танзай», ни в «Софе», ни в «Четырех факарденах»³ ничего, что хоть отдаленно напоминало бы ее приключение. Она ежеминутно прерывала чтение, спрашивая, откуда дует ветер.

VIII

Тем временем Амазан в карете, запряженной шестью единорогами, подъезжал уже к столице Альбиона, грезя о царевне. Вдруг он заметил экипаж, свалившийся в канаву. Слуги разбежались в поисках помощи, а сам хозяин спокойно сидел в экипаже, не выказывая ни малейшего нетерпения, и тешил себя куреньем, ибо в то время уже курили. Его звали *Mylord What then*, что в переводе на тот язык, на который я перевожу эту историю, означает приблизительно: милорд «Ну так что ж».

Амазан поспешил ему на выручку. Он без посторонней помощи поднял экипаж, настолько сила его превосходила силу других людей.

Милорд «Ну так что ж» ограничился тем, что сказал: — Вот так силач.

¹ Марк Мишель-Рей — голландский книгоиздатель, печатал сочинения Вольтера, запрещенные во Франции.

² В Италии и Франции.

³ «Крестьянин-выскочка» — роман Марииво (1688—1763); «Танзай», «Софа» и другие романы Кребийльона-младшего (1707—1777) — все это фивольные произведения французских писателей, пользовавшиеся успехом в XVIII в. в аристократических кругах.

Прибежали соседние крестьяне и, обозлившись на то, что их напрасно потревожили, накинулись на чужеземца. Они поносили его, обзывая «проклятым иностранцем», и хотели поколотить.

Амазан, схватив каждой рукой по паре, отбросил их на двадцать шагов. Остальные преисполнились к нему почтением, стали кланяться и просить на водку. Он дал им сумму, какой они в жизни не видели. Милорд «Ну так что ж» сказал:

— Я вас уважаю. Поедьте обедать в мой загородный дом, всего три мили отсюда.

Он сел в карету Амазана, так как его собственный экипаж поломался при падении.

Помолчав с четверть часа, милорд взглянул на Амазана и спросил:

— How do you do? — в буквальном переводе: «Как вы делаете?», а на любом другом языке: «Как вы поживаете?» Затем он добавил:

— У вас шесть прекрасных единорогов. — И продолжал курить.

Амазан сказал ему, что единороги к его услугам и что сам он приехал из страны гангаридов; при этом он воспользовался случаем поговорить о царевне вавилонской и о роковом поцелуе, данном ею фараону Египта. На все это милорд ничего не ответил, так как ему было совершенно безразлично, существует ли на свете египетский фараон и вавилонская царевна. Протекло еще четверть часа в молчании, после чего он снова осведомился у своего спутника, «как он делает» и едят ли в стране гангаридов сочный ростбиф. С присущей ему вежливостью путешественник ответил, что на берегах Ганга не принято есть своих братьев, и изложил учение, ставшее спустя много столетий учением Пифагора, Порфирия и Ямвлиха¹. Милорд тем временем заснул и проспал до тех пор, пока не подъехали к его дому.

Он был женат на молодой прелестной женщине, которую природа одарила столь же впечатлительной и чуткой душой, сколь равнодушной ко всему была душа ее мужа.

¹ Пифагор (VI—V вв. до н. э.) — греческий философ-идеалист, признававший число основой мира. Порфирий (III—IV вв. н. э.) и Ямвлих (IV в. н. э.) — греческие философы-неоплатоники, представители идеалистического и мистического направлений поздней античной мысли.

В этот день несколько вельмож Альбиона приехали к ней на обед. Тут собрались люди различного склада, так как страной почти всегда управляли иностранцы и приезжавшие с этими правителями семьи привозили с собой самые разнообразные нравы и обычаи. Среди собравшихся были и очень любезные люди, и люди возвышенного ума, и ученые.

Хозяйка дома не была ни застенчивой, ни неуклюжей, ни чопорной, ни жеманной, в чем упрекали в ту пору молодых женщин Альбиона. Она отнюдь не прикрывала надменной осанкой и холодной сдержанностью устье кругозора, а застенчивым смущением свою неспособность выразить мысль. Не было женщины пленительнее ее. Она с присущей ей любезностью и приветливостью приняла Амазана. Исключительная красота этого юного иностранца и невольное сравнение, которое она сделала между ним и своим супругом, сразу же сильно взволновали ее.

Подали обед. Она усадила Амазана рядом с собой и потчевала его всевозможными пудингами, зная с его слов, что гангариды не едят тех, кто получил от творца священный дар жизни.

Красота Амазана, его мужественность, нравы гангаридов, расцвет искусств, религия и правительство — вот что являлось предметом их приятной и содержательной беседы во время обеда, затянувшегося до ночи, в продолжение которого милорд «Ну так что ж» много выпил и не произнес ни слова.

После обеда, в то время как миледи разливала чай, пожирая глазами юношу, он беседовал с членом парламента, ибо всякому известно, что тогда уже существовал парламент, именовавшийся Виттенагемот, что значило: «Собрание мудрецов». Амазан расспрашивал о конституции, о нравах, о законах, об армии, обычаях, искусствах — обо всем, что делало эту страну столь достойной изучения. И собеседник рассказал ему следующее:

— Мы долгое время ходили нагие, хотя климат отнюдь не располагал к этому. К нам долго относились как к рабам люди, прибывшие из древней страны Сатурна¹, омываемой водами Тибра. Но мы сами причинили себе гораздо больше зла, чем первые наши завоеватели. Один

¹ Из Рима.

из наших королей до того унизился, что объявил себя подданным священнослужителя, проживавшего тоже на берегах Тибра и прозванного «Старцем семи холмов»¹. Этим «семи холмам» суждено было долгое время владычествовать над большею частью Европы, населенной в ту пору варварами.

После времен упадка наступили века одичания и анархии. Земля наша, более подверженная бурям, чем омывающие ее моря, была опустошена и залита кровью наших междоусобиц. Несколько венценосцев были казнены. Более ста принцев крови окончили свою жизнь на эшафоте. Всем их приверженцам вырвали сердца и хлестали их ими по лицам. Историю нашего острова должен был бы писать палач, ибо он заканчивал все великие дела.

Недавно, к довершению всех ужасов, несколько человек, облаченных в черные плащи, и другие в белых рубашках², надетых поверх курток, будучи укушены бешеными собаками, заразили своим бешенством всю страну. Все граждане стали либо убийцами, либо жертвами, либо палачами, либо казнимыми, либо расхитителями, либо рабами — все это во имя неба и в поисках бога.

Кто мог бы поверить, что из этой страшной бездны, из этого хаоса распрей, жестокости, невежества и фанатизма возникнет в конце концов самое, быть может, совершенное в мире правительство. Король, чтимый и богатый, всесильный в благих делах и бессильный творить зло, встал во главе самого свободного, самого воинственного, торгового и просвещенного народа. Люди знатные, с одной стороны, с другой — представители городских сословий разделяли с монархом законодательную власть.

Мы наблюдали, что по роковому стечению обстоятельств, когда короли добивались неограниченной власти, неурядица, гражданские войны, анархия и нищета раздирали страну. Спокойствие, богатство, общее благосостоя-

¹ Английский король Иоанн Безземельный признал вассальную зависимость Англии от папы римского.

² Пресвитериане — представители умеренного крыла английского протестантизма. Индепенденты (независимые) — представители более радикального крыла английского протестантизма. Пресвитериане и индепенденты играли активную роль в английской буржуазной революции XVII в.

ние воцарились у нас лишь тогда, когда государи отреклись от неограниченной власти.

Все становилось вверх дном, когда спор шел о предметах темных, и все опять пришло в порядок, когда на них перестали обращать внимание. Наш победоносный флот утверждает нашу славу на всех морях. Законы охраняют наши богатства; судья не может истолковать закон произвольно и не вынесет приговора, не имея на то веских оснований. Мы как убийц покарали бы судей, которые осмелились бы приговорить к смерти гражданина, не приведя доказательств, уличающих его, и закона, карающего это преступление.

Правда, у нас все еще существуют две партии¹, ведущие борьбу при помощи пера и интриг, но они неизменно объединяются, когда надо с оружием в руках защищать родину и свободу. Обе эти партии бдительно следят друг за другом. Они не позволяют одна другой осквернять священную сокровищницу законов. Они ненавидят друг друга, но любят отчизну. Это ревнивые влюбленные, которые как нельзя лучше служат одной и той же даме.

Исходя из тех же разумных оснований, которые помогли нам осознать и отстаять права человеческой природы, мы подняли науки на такую высоту, какой они только способны достигнуть у людей. Ваши египтяне, которые слывут за великих механиков, ваши индусы, которых почитают столь мудрыми философами, ваши вавилоняне, похваляющиеся тем, что в продолжение четырехсот тридцати тысяч лет они наблюдали движение небесных светил, греки, вложившие в такое множество слов так мало мыслей, — все они решительно ничего не знают по сравнению с любым нашим школьником, изучающим открытия великих ученых нашей страны. Мы вырвали у природы в течение одного столетия больше тайн, чем род человеческий в бессчетном беге веков.

Таково сейчас истинное положение вещей. Я не утаил от вас ничего — ни хорошего, ни дурного, ни наших падений, ни нашей славы и ничего не преувеличил.

Слушая эти речи, Амазан почувствовал непреодолимое желание познать те высокие науки, о которых ему

¹ Тори — партия феодального дворянства и виги — партия буржуазии. Впоследствии различие между этими партиями совершенно стерлось.

говорили. И если бы его истерзанным сердцем не владели столь безраздельно страсть к вавилонской царевне, сыновняя почтительность к покинутой им матери и любовь к отчизне, он прожил бы всю свою жизнь на острове Альбионе. Но роковой поцелуй, данный его царевной египетскому фараону, так затемнял его разум, что мешал погрузиться в науку.

— Признаюсь, — сказал он, — что, твердо решив странствовать по свету и бежать от самого себя, я хотел бы увидеть древнюю землю Сатурна и народ, живущий на берегах Тибра и на семи холмах, которому вы некогда подчинялись. Полагаю, что это самый совершенный народ на всем земном шаре.

— Очень советую вам предпринять это путешествие, — сказал альбионец, — особенно если вы любите музыку и живопись. Мы сами очень часто ездим туда развеять нашу хандру. Но вы будете немало удивлены, увидев потомков наших завоевателей.

Беседа их была длительной. Хотя рассудок прекрасного Амазана был несколько расстроен, он, однако, разговаривал с такой приятностью, голос его был так трогателен, держался он так благородно, мягко и так ласково, что хозяйка дома в свою очередь захотела поговорить с ним наедине. Беседуя, она нежно пожимала ему руку и смотрела на него влажными, блестящими глазами, выдававшими ее страсть. Она пригласила его к ужину и оставила ночевать в замке. Каждое мгновение, каждое слово, каждый взгляд разжигали ее страсть. Как только все удалились, она написала ему записку, не сомневаясь, что он придет разделить с нею ложе, в то время как милорд «Ну так что ж» будет почивать у себя. Но Амазан и на этот раз нашел в себе силы устоять. Таково чудотворное действие зернышка безумия в сильной и глубоко оскорбленной душе.

Как обычно, Амазан послал этой даме почтительный ответ, в котором объяснял святость своей клятвы и свой прямой долг — научить царевну вавилонскую властвовать над своими страстями. Затем, приказав запрячь единорогов, он уехал обратно в Батавию, оставив общество в восхищении, а хозяйку дома в отчаянии. От полного расстройства чувств она забыла спрятать письмо Амазана. На следующее утро милорд «Ну так что ж» нашел его и прочел.

— Все это ерунда! — сказал он, пожав плечами, и отправился с несколькими пьяницами-соседями охотиться на лисиц.

Амазан между тем уже плыл по морю, снабженный географической картой, которую подарил ему ученый альбионец, беседовавший с ним у милорда «Ну так что ж». Он с изумлением видел огромное пространство земли, уместившееся на маленьком клочке бумаги.

Его взгляд и воображение блуждали по этому маленькому листку. Он видел Рейн, Дунай, Тиро́льские Альпы, обозначенные в ту пору другими именами. Видел все страны, которые ему надлежало проехать, прежде чем достичь города на семи холмах. Но чаще всего он смóтрел на страну гангаридов, на Вавилон, где он по-встречал свою дорогую царевну и на роковую Бассору, где она поцеловала фараона. Он вздыхал, он лил слезы, но признавал, что альбионец, подаривший ему уменьшенный земной шар, не ошибался, утверждая, что люди на берегах Темзы в тысячу раз образованней, чем на берегах Нила, Евфрата и Ганга.

Пока он возвращался в Батавию, оба судна Формозанты неслись к Альбиону. Корабль Амазана и корабль Формозанты встретились, почти столкнулись друг с другом. Двое влюбленных были так близко друг от друга, даже не подозревая этого. Ах, если бы они только знали! Но властный рок не допустил этого.

IX

Как только Амазан высадился на низкий илистый берег Батавии, он тотчас же со скоростью стрелы умчался в город на семи холмах. Ему пришлось пересечь южную часть Германии. Тут через каждые четыре мили попадались принцы и принцессы, придворные дамы и нищие. Его удивляло, что повсюду эти высокородные дамы и их фрейлины с чисто германским простодушием заигрывали с ним. Он скромно отклонял их ухаживания.

Перевалив через Альпы, он поплыл по Далматскому морю и причалил к городу¹, который не был похож ни на один из тех, какие он до сей поры видел. В нем море

¹ К Венеции.

образовывало улицы, а дома поднимались из воды. На редких площадях этого города кишели толпы мужчин и женщин, которые были двулики. У них были лица, которыми их одарила природа, и вторые — из картона, аляповато разрисованные, прикрывавшие первые. Поэтому казалось, что население состоит из призраков¹. Приезжавшие в страну иноземцы прежде всего покупали себе «лица», как в других странах покупают головные уборы и обувь. Амазан пренебрег этой противоестественной модой. Он предстал в своем природном обличье. В городе было двенадцать тысяч девушек, занесенных в большую книгу республики, девушек, полезных для государства: им была поручена самая выгодная и самая приятная торговля, способная, как никакая другая, обогатить любую страну. Обычные торговцы с большими затратами и большим риском отправляли свои ткани на восток. Эти же очаровательные дельцы вели без всякого риска оживленную торговлю своими прелестями. Все они явились перед Амазаном, предоставляя ему сделать выбор. Он поспешно скрылся, повторяя имя несравненной царевны вавилонской и клянясь бессмертными богами, что она прелестней всех двенадцати тысяч венецианок, взятых вместе.

— Прелестная ветреница! — воскликнул он восторженно. — Я научу вас быть верной!

Наконец он увидел желтые воды Тибра, зловонные топи, тощих, изголодавшихся людей, прикрытых старыми и дырявыми плащами, сквозь которые видна была их иссохшая смуглая кожа; он понял, что перед ним ворота города на семи холмах, города героев и законодателей, покоривших и цивилизовавших большую часть земного шара.

Он думал, что увидит у триумфальных ворот города пятьсот батальонов под началом героев, а в сенате — собрание полубогов, диктующих законы миру. Но вместо армии он нашел всего человек тридцать тунеядцев, которые стояли на карауле, прикрываясь от солнца зонтиками. Проникнув в храм, показавшийся ему прекрасным, но все же менее красивым, чем храмы Вавилона, он был крайне поражен, услышав мужчин, поющих женскими голосами.

¹ В XVIII в. в Венеции на улицах ходили в масках.

— Вот так забавная страна эта древняя страна Сатурна! — воскликнул он. — Я видел город, где ни у кого нет своего лица, теперь вижу другой, где у мужчин нет ни мужского голоса, ни бороды.

Ему объяснили, что эти певцы уже не мужчины, так как их лишили всего мужского, дабы они пели приятными голосами хвалу великому множеству знатных людей. Амазан ровно ничего не понял из этих объяснений. Эти господа попросили его спеть, и он, с присущим ему изяществом, исполнил гангаридскую песню. У него был прекрасный тенор.

— Ах, синьор, — воскликнули они, — каким чудесным сопрано могли бы вы петь, если бы...

— Что — если бы? Что вы хотите этим сказать?

— Ах, синьор!

— Ну, что же дальше?

— Если бы у вас не было бороды!..

И они весьма забавно, со свойственной им потешной жестикуляцией, объяснили ему, в чем дело.

Амазан был смущен.

— Я много путешествовал, но никогда не приходилось мне слышать ничего похожего на эту выдумку, — сказал он.

Когда пение смолкло, Старец семи холмов, во главе огромной процессии, направился к воротам храма. Он рассек рукою воздух на четыре части, подняв большой палец, протянув других два, согнув два оставшихся, и произнес на языке, уже вышедшем из употребления: «Городу и вселенной».

Гангарид не мог понять, как два перста могут достать так далеко.

Затем перед его глазами прошел двор правителя мира. То были важные лица. Одни — в пурпурных мантиях, другие — в лиловых¹, — почти все с нежностью поглядывали на прекрасного Амазана. Они низко кланялись ему и говорили друг другу: «San Martino, che bell! San Pancratio, che bell!»²

Усердствующие³, занятия которых заключались в том, чтобы демонстрировать иностранцам достопримечатель-

¹ Кардиналы и епископы.

² Святой Мартин, какой прелестный юноша! Святой Панкратий, какой прелестный юноша! (итал.)

³ Усердствующие — название монашеского ордена,

ности города, поспешили показать ему ветхие хижины, в которых отказался бы переночевать даже погонщик мулов, но которые в древности были достойными памятниками величия народа-владыки. Он увидел еще картины двухсотлетней давности и статуи, изваянные двадцать веков тому назад. Они показались ему образцовыми произведениями искусства.

— Создаете ли вы и теперь подобные произведения?

— Нет, ваша светлость, — ответил один из усердствующих, — но мы презираем весь остальной мир, потому что у нас сохранились эти редкости. Мы, подобно старьевщикам, заимствуем нашу славу у старых одежд, залежавшихся в наших кладовых.

Амазан пожелал взглянуть на дворец властителя мира. Его провели туда. Он увидел людей в лиловых одеждах, подсчитывающих доходы государства: столько-то со страны, расположенной на Дунае, столько-то с другой — на Луаре, Гвадалквивире или Висле.

— Ого! — воскликнул Амазан, взглянув на свою карту. — Я вижу, что ваш повелитель владеет всей Европой, подобно древним героям города семи холмов.

— Он, согласно божественной воле, должен царить над всей вселенной, — ответил ему человек в лиловом. — И даже было время, когда его предшественники почти завершили дело создания всемирной монархии, но их преемники по доброте своей довольствуются ныне деньгами, которые короли, их подданные, выплачивают им как дань.

— Значит, ваш повелитель действительно царь царей? И таков его титул? — спросил Амазан.

— Нет, ваша светлость, его титул «слуга слуг». Первоначально он был рыбаком и привратником¹, вот почему знаки его достоинства — ключи и сети. Но это не мешает ему постоянно распоряжаться царями. Недавно он отправил сто одно предписание кельтскому королю², и тот подчинился.

¹ Чтобы повысить свой авторитет, римско-католическая церковь создала легенду, будто бы первым ее епископом был апостол Петр, передавший потом главенство над христианской церковью папам римским. По христианским преданиям, Петр при жизни был рыбаком, а после смерти — хранителем ключей от рая.

² Речь идет о 101 предписании папской буллы *Unigenitus*, направленной в 1713 г. против янсенизма — движения, враждебного иезуитам. Король Людовик XIV приказал парламенту принять эту буллу.

— Ваш рыбак послал, наверное, пятьсот — шестьсот тысяч человек, чтобы заставить выполнить сто одно предписание.

— О нет, ваша светлость, наш святой повелитель не имеет средств оплатить и десять тысяч солдат. Но ему подчинены от четырехсот до пятисот тысяч небесных про­р­о­ков, рассеянных по другим странам. Эти пророки придерживаются разнообразных воззрений и, само собой разумеется, живут за счет народа. Они именем божьим возвещают, что мой повелитель может своими ключами отомкнуть и замкнуть все замки, и особенно замки денежных сундуков. Один нормандский священник, состоящий при вышеупомянутом кельтском короле духовником, убедил того, что он должен беспрекословно повиноваться сто одному повелению моего владыки, ибо, да будет вам известно, одна из привилегий Старца семи холмов состоит в том, что он всегда прав: и тогда, когда он соблаго­во­лит что-нибудь сказать, и тогда, когда он соблаго­во­лит написать что-нибудь.

— Ей-богу, это необычайный человек! — сказал Амазан. — Мне очень любопытно было бы пообедать с ним.

— Ваша светлость, даже если бы вы были царем, то и тогда не могли бы сесть с ним за один стол. Самое большее, что он мог бы сделать для вас, — это приказать накрыть для вас стол возле его стола, только поменьше и пониже. Но если вы желаете удостоиться чести говорить с ним, то я выхлопочу вам аудиенцию, но, конечно, за *виона тансиа*¹, который вы соблаговолите поднести мне.

— Охотно, — ответил Амазан.

Человек в лиловом поклонился.

— Я проведу вас завтра, — сказал он. — Вы должны будете трижды преклонить колени и облобызать ноги Старца семи холмов.

При этих словах Амазан разразился оглушительным хохотом. Он вышел, держась за бока, так его разбирал смех, пока не дошел до гостиницы, где продолжал еще долго смеяться.

Во время обеда к нему явились двадцать безбородых мужчин и двадцать скрипачей, которые дали ему концерт, остальную часть дня за ним ухаживали самые знатные

¹ Хороший подарок (*итал.*).

вельможи города. Они сделали ему предложения еще более странные, чем целование ног Старца семи холмов. Так как Амазан был очень вежлив, то сперва он предположил, что эти господа принимают его за женщину, и в самых изысканных выражениях разъяснил им их заблуждение. Но, пораженный настойчивостью двух-трех более предприимчивых господ в лиловых одеждах, он, наконец, вышвырнул их из окна, отнюдь не считая, что приносит этим жертву прекрасной Формозанте.

Амазан как можно скорее покинул этот город властелинов мира, где предлагают целовать старца в ногу, словно на ноге у него помещается щека, и где к молодым людям пристают с еще более странными предложениями.

Х

Переезжая из страны в страну, постоянно отклоняя всякого рода зайгрывания, непоколебимо верный вавилонской царевне, непоколебимо озлобленный против фараона египетского, Амазан — этот образец постоянства — прибыл, наконец, в новую столицу галлов. Город этот, как и множество других городов, пережил все стадии варварства, невежества, глупости и нищеты. Его первое название означало «грязь и навоз»¹. Затем его окрестили именем Изиды, культ которой дошел до него.

Первый сенат этого города состоял из собрания лодочников. Город долгое время был в рабстве у героев-хищников семи холмов, а спустя несколько столетий другие герои-разбойники², прибывшие с противоположного берега Рейна, завладели его небольшой территорией.

Все изменяющее время расщепило этот город на две части. Одну — весьма благородную и привлекательную, другую — несколько неуклюжую и грубоватую. Каждой части соответствовал и характер ее населения. В городе жило по крайней мере сто тысяч человек, у которых не было иного занятия, как шутить и веселиться. И эти-то праздные люди выносили приговор искусствам, которыми занимались другие. Они ничего не знали о том, что про-

¹ Лютеция — древнее название Парижа, данное ему римлянами, означает грязь.

² Германское племя франков, захвативших Галлию в V в. н. э.

исходит при дворе, хотя он находился всего лишь в четырех милях от них; казалось, что их отделяет пространство по крайней мере в шестьсот миль. Приятное общество, веселье, легкомыслие — были единственным, что их увлекало. Ими управляли, словно детьми, которым дарят игрушки, лишь бы они не капризничали. Когда им рассказывали о бедствиях, опустошавших их родину два века назад, о тех страшных временах, когда одна половина населения вырезала другую из-за пустяков, они соглашались, что это действительно дурно, но затем снова принимались смеяться и петь куплеты.

Чем любезнее, обязательнее, вежливей были эти праздные люди, тем резче выступало различие между ними и людьми занятыми.

Среди этих занятых, или якобы занятых, людей было много мрачных фанатиков, отчасти вздорных, отчасти плутов, одна внешность которых наводила уныние на весь мир и которые, будь на то их воля, не задумываясь, разрушили бы его, только бы добиться хоть некоторого влияния. Но праздное племя, приплясывая и распевая, загоняло их в норы, подобно тому как птицы заставляют серых сов укрываться в развалинах.

Другие занятые люди, менее многочисленные, являлись хранителями древних варварских обычаев, против которых громко вопияла человеческая природа; они ничего не хотели знать, кроме своих полуистлевших фолиантов. Если они находили там какой-нибудь свирепый и бессмысленный закон, они немедленно включали его в число священных догм. Вследствие гнусной привычки мыслить несамостоятельно и пользоваться воззрениями тех стародавних времен, когда люди не рассуждали, в этом городе развлечений сохранились еще жестокие нравы — именно в силу этого там не существовало никакого соответствия между преступлениями и наказаниями.

Бывало, что у невинного человека мучительными пытками вырывали признание в преступлении, которого он не совершал.

Легкий проступок какого-нибудь юноши карали столь же строго, как отравление или отцеубийство. *Праздные* поднимали крик, а на завтра всё забывали и болтали лишь о последних модах.

Этот народ был свидетелем того, как в течение одного

столетия изящные искусства достигли такой степени совершенства, о какой нельзя было и мечтать. В ту пору иностранцы приезжали в этот город, как в Вавилон, восхищаться великолепными памятниками архитектуры, волшебными садами, чудесными достижениями скульптуры и живописи. Их очаровывала музыка, проникавшая в душу, не утомляя слуха.

Истинная поэзия, то есть та, которая естественна и гармонична, та, что столько же говорит сердцу, сколько и уму, открылась народу только в этот счастливый век. Новые образцы красноречия явились во всей своей величавой красоте. Театры в особенности прославились в ту пору творениями, настолько совершенными, что ни одному народу не удалось даже приблизиться к их уровню. Наконец чувство изящного стало присуще всем профессиям, так что даже среди друидов появились хорошие писатели.

Но сколько лавров, вознесшихся вершиной до небес, вскоре засохло на истощенной земле! Их осталось ничтожно мало — чахлых и увядающих.

Причиной упадка была легкость, с какой создавались произведения, и леность, мешавшая совершенствовать их, а также пресыщение прекрасным и влечение к извращенному. Тщеславие публики поощряло художников, возвращавших искусство временам варварства, и это же тщеславие, преследуя истинные таланты, вынуждало их покидать родину. Трутни изгнали пчел.

Почти исчезли подлинные искусства, почти исчез гений. Заслугой считалось уметь критиковать вкряк и вкось о заслугах былого века. Пачкун кабацких стен с видом знатока критиковал полотна великих мастеров. Бумагомараки искажали произведения великих писателей. Невежество и дурной вкус имели к услугам своих собственных пачкунов. Под различными заглавиями, в ста томах, повторялось одно и то же. Все было либо словарем, либо брошюрой. Один газетчик-друид дважды в неделю публиковал деяния никому неизвестных изуверов или сообщал о новоявленных чудотворцах, которых он обнаруживал в городских трущобах среди бродяг и нищенков. Другие друиды в черных рясах, обезумевшие от злобы и голода, сетовали в сотнях печатных изданий на то, что их лишили права обманывать народ и всецело

предоставили эту привилегию отступникам в серых рясах. Несколько архидруидов сочиняли гнусные пасквилы.

Амазан ничего этого не знал, а если бы даже и знал, то не стал бы этим интересоваться, целиком поглощенный мыслью о вавилонской царице, египетском фараоне и своей нерушимой клятве презирать женские чары, в какую бы страну ни направил его шаг.

Легкомысленные и невежественные зеваки, обладающие высшей степенью любопытства, которое присуще роду человеческому, долгое время толпились вокруг единорогов. Женщины, как более толковые, ворвались в двери гостиницы, чтобы посмотреть на самого Амазана.

Сначала он выразил своему хозяину желание отправиться ко двору, но несколько гуляк из светского общества, случайно оказавшихся тут же, разъяснили ему, что теперь это не в моде, что времена изменились и весело провести время можно только в городе.

В тот же вечер Амазан был приглашен на ужин к одной даме, ум и таланты которой славились даже за пределами ее отечества и которая побывала в нескольких странах, где проездом был и Амазан. Эта дама и собравшееся у нее общество очень понравились Амазану. Непринужденность здесь была пристойной, веселье не шумным, ученость не отталкивающей, а остроумие не злым; он убедился, что слова «хорошее общество» не пустой звук, хотя многие присваивают себе это звание не по праву. На следующий день он обедал в не менее приятном, но менее почтенном обществе. Чем более нравились ему сотрапезники, тем более нравился он им. Он чувствовал, что сердце его размягчается и тает, подобно тому как в его родной стране медленно плавятся на легком огне ароматические вещества, распространяя сладостное благоухание.

После обеда его повели на очаровательный спектакль, осужденный друидами, потому что он отбивал у них зрителей, которыми они очень дорожили. Спектакль этот являл сочетание приятных стихов, звучных песен, танцев, воплощающих душевные переживания, и прекрасных, создающих полную иллюзию, декораций. Этот род представления, объединявший такое множество видов искусства, назывался иностранным словом «опера», что когда-то на языке семи холмов означало: труд, заботу, занятие, промысел, предприятие, работу, дело.

Это «дело» очаровало его. Одна девица с мелодичным голосом и грациозными движениями произвела на него особенно сильное впечатление. Эту девицу, участвующую в «деле», после спектакля ему представили его новые друзья. Он преподнес ей горсть алмазов. Она была так признательна ему, что не покидала его весь остаток дня. Он ужинал с ней и за ужином забыл свою воздержанность, а после ужина забыл свою клятву оставаться неизменно нечувствительным к красоте и равнодушным к нежным заигрываниям. Какой пример человеческой слабости!

В это время на единорогах приехала прекрасная царица вавилонская с Фениксом, служанкой Ирлой и двумя гангаридскими воинами. Им пришлось ждать довольно долго, пока открыли ворота. Прежде всего царица осведомилась, находится ли в городе самый прекрасный, самый храбрый, самый умный и самый верный мужчина. Городские власти сразу же догадались, что она имеет в виду Амазана. Она приказала провести себя в его гостиницу. Она вошла с трепещущим от любви сердцем, вся душа ее была пронизана невыразимым счастьем: наконец-то она вновь увидит в образе своего возлюбленного воплощение верности. Она беспрепятственно прошла в его покои. Полог кровати был раздвинут. Она увидела прекрасного Амазана, спящего в объятиях хорошенькой брюнетки. Оба они сильно нуждались в отдыхе.

Формозанта испустила горестный крик, который разнесся по всему дому, однако не разбудил ни ее кузена, ни оперную девицу. Царица потеряла сознание и упала на руки Ирлы. Как только она очнулась, она с чувством боли и гнева в душе немедленно покинула эту роковую комнату. Ирла навела справки о молодой особе, проводившей в обществе прекрасного Амазана столь сладостные часы. Ей сообщили, что это весьма услужливая девица, которая наряду с разными другими талантами обладает приятным голосом и умением петь.

— О, праведное небо! О, великий Оромазд! — воскликнула, обливаясь слезами, прекрасная царица. — Кто изменил мне и ради кого! Так, значит, тот, кто ради меня отклонял благосклонность принцесс, покинул меня теперь для какой-то галльской комедиантки! Нет, этого позора я не переживу.

— Ваше высочество, — сказала Ирла, — таковы молодые люди на всем земном шаре. Пусть они влюблены в самую богиню красоты — бывают мгновения, когда они способны изменить ей с любой трактирной служанкой.

— Все кончено! — воскликнула царица. — Больше я никогда не увижу его. Прочь отсюда, пусть запрягают моих единорогов.

Феникс заклинал ее повременить и дожидаться хотя бы пробуждения Амазана, чтобы он мог поговорить с ним.

— Он не заслуживает этого, — ответила царица. — Вы жестоко оскорбите меня. Он подумает, что я просила вас вмешаться и что я ищу примирения с ним. Если вы меня любите, не присоединяйте этого оскорбления к оскорблению, которое нанес мне Амазан.

Феникс, который в конце концов был обязан вавилонской царице жизнью, не мог не повиноваться.

Она уехала со всей своей свитой.

— Куда же мы теперь направимся, ваше высочество? — спросила Ирла.

— Не знаю, — ответила царица. — Едемте куда глаза глядят, только бы мне удалось навсегда скрыться от Амазана, и я буду довольна.

Феникс, будучи более рассудительным, чем Формозанта, ибо он не был одержим страстью, утешал ее в пути. Он ласково доказывал ей, что нелепо и прискорбно карать себя за ошибки других. Амазан доказал свою верность, и она может простить ему минутное увлечение. Он праведник, которого на мгновение покинула благодать Оромазда. Отныне он будет еще постояннее в любви и добродетели, стремление искупить свою вину заставит его превзойти самого себя, и от этого она будет только счастливее; многие прославленные царицы до нее прощали подобные прегрешения и чувствовали себя отлично. Он приводил ей примеры, он владел таким сильным даром убеждения, что сердце Формозанты постепенно смягчалось и успокаивалось.

Она сожалела теперь, что уехала так поспешно, находила, что ее единороги мчатся слишком быстро, но не смела вернуться. Терзаясь между желанием простить и стремлением выказать свой гнев, между любовью и самолюбием, она не останавливала единорогов и продолжала свое странствование, согласно предсказанию оракула.

Амазан, пробудившись, узнает о прибытии и отъезде Формозанты и Феникса. Он узнает об отчаянии и гневe царевны. Ему говорят, что она дала клятву и никогда не простит его.

— Мне остается лишь одно, — воскликнул он, — следовать за ней и лишиться себя жизни у ее ног!

Его светские друзья, услышав о происшествии, сбежали и стали доказывать ему, что гораздо разумнее остаться с ними, что ничто не сравнится с той приятной жизнью, которую они ведут среди искусств, среди спокойной, сладостной неги, что множество чужеземцев, даже царей, предпочли это спокойствие, столь приятное, налаженное и такое пленительное, своей отчизне и своему трону, что, кроме того, экипаж его сломан и каретник ладит для него другой, по последней моде... что лучшие портные города уже скроили ему дюжину костюмов... что самые умные и самые любезные дамы города, в домах которых даются такие восхитительные представления, заняли каждая свой приемный день празднеством в его честь. А тем временем комедиантка, сидя за туалетным столом, пила шоколад, смеялась, пела и заигрывала с прекрасным Амазаном, который в конце концов убедился, что она глупа, как гусенок.

Поскольку искренность, сердечность, прямотушие, так же как великодушие и мужество, отличали характер этого прекрасного принца, он рассказал о своих несчастьях и своих путешествиях друзьям. Они узнали, что он был троюродным братом царевны; он осведомил их о пагубном поцелуе, который она подарила фараону египетскому.

— Подобного рода шалости, — сказали они, — прощаются среди родных, иначе жизнь протекала бы в постоянных раздорах.

Ничто не могло поколебать его решения следовать за Формозантой. Но так как экипаж еще не был готов, то он вынужден был провести три дня в обществе своих друзей, среди празднеств и развлечений. Наконец он распрощался с ними, обнял их и заставил принять в подарок алмазы его страны в искусной оправе, советуя друзьям оставаться всегда легкомысленными и беспечными, ибо это делало их более приятными и более счастливыми.

— Народ Германии, — говорил он, — это старцы Европы, народ Альбиона — люди вполне сложившиеся, а жители Галлии — дети, и я люблю играть с ними.

Его проводникам было легко следовать за царевной, всюду шла молва только о ней и ее замечательной птице. Все жители были еще охвачены восторженным энтузиазмом. Восторг, вызванный ею, мог бы сравниться разве лишь со столь же сильным, но куда менее приятным впечатлением, которое произвел много позже в Далматии и Анконии летающий дом¹. На берегах Луары, Дордони, Гаронны и Жиронды еще не отзвучали ликующие возгласы.

Когда Амазан достиг подножия Пиренеев, то чиновники и друиды страны заставили его против его желания протанцевать с тамбурином, но лишь только он перевалил Пиренеи, исчезли веселье и забавы. Если порой до него и доносилось пенье, то напевы эти бывали всегда печальны. Жители ходили степенно, носили четки и кинжалы на поясах. Народ одет был в черное, словно в траур. Если слуги Амазана расспрашивали о чем-нибудь прохожих, то те отвечали знаками. Если входили в гостиницу, хозяин объяснял им в трех словах, что в доме пусто, но что если что-нибудь надобно из предметов первой необходимости, их можно достать за несколько миль отсюда.

Когда этих молчаливых спрашивали, не видели ли они прекрасную царевну вавилонскую, они отвечали с меньшей лаконичностью:

— Да, мы видели ее; она вовсе не так прекрасна. Прекрасен только смуглый цвет кожи; у нее же белоснежная грудь, а это самая противная вещь на свете и в наших краях почти не встречается.

Амазан приближался к провинции, орошаемой Бетисом². Прошло не более двенадцати тысяч лет с той поры, как эта страна была открыта финикиянами, почти одновременно с огромным островом Атлантидой, затонувшим несколько веков спустя. Финикияне принялись обрабатывать землю Бетики³, так как жители ее не интересовались земледелием, утверждая, что это занятие не для них, — пусть приходят соседи-галлы возделывать их землю.

¹ Воздушный шар.

² Бетис — древнее название реки Гвадалквивир.

³ Бетика — древнее название Андалузии.

Финикияне привели с собой палестинцев, которые с той поры рассеялись по всем странам, где только можно было добыть деньги. Палестинцы, ссужая деньги в рост из пятидесяти на сто, сосредоточили в своих руках почти все богатство страны. Это навело жителей Бетики на мысль, что палестинцы колдуны, и все те, кого обвинили в колдовстве, были безжалостно сожжены шайкой друидов, именуемых «ищейками», или «антропокайями»¹. Эти священнослужители прежде всего облачали приговоренных в маскарадную одежду, присваивали их имущество, а потом набожно читали молитвы самих же палестинцев, сжигая их на медленном огне «*pro l'amor de Dïes*»².

Формозанта приехала в город, который впоследствии называли Севильей. Она предполагала плыть по Бетису, а затем по реке Тир возвратиться в Вавилон, вновь увидеть своего отца и либо, если будет в силах, забыть своего коварного возлюбленного, либо предложить ему стать его супругой. Она приказала прислать к себе двух палестинцев, занимавшихся всеми делами при дворе. Они должны были снарядить для нее три корабля. Феникс договорился с ними обо всем подробно и, немного поторговавшись, условился о цене.

Хозяйка гостиницы была очень набожна, и муж ее не уступал ей в благочестии. Он был у друидов «своим человеком», иначе говоря — сыщиком друидов-ищеек-антропокайев; он не замедлил донести, что в его доме находится колдунья и два палестинца, заключившие договор с дьяволом, перевоплотившимся в большущую золотистую птицу. Ищейки, узнав, что у дамы огромное количество алмазов, признали ее колдуньей. Они дождались ночи, чтобы запереть двести воинов и единорогов, спавших в обширных конюшнях, потому что ищейки всегда трусливы.

Основательно забаррикадировав все выходы, они схватили царевну и Ирлу, но им не удалось поймать Феникса, улетевшего с быстротой стрелы. Он был уверен, что встретит Амазана на дороге из Галлии в Севилью.

И он действительно встретил его на границе Бетики

¹ Антропокайи (греч.) — так Вольтер называет инквизиторов.

² Во имя любви к богу (исп.).

и поведал ему о несчастье, постигшем царевну. Амазан не мог вымолвить ни слова, так он был взволнован и разъярен. Надев латы с золотой насечкой, взяв пику длинной в двенадцать футов, два копья и острый меч, прозванный «Грозным», который одним ударом рассекал деревья, скалы и друидов, он увенчал свою прекрасную голову золотым шлемом, осененным перьями цапли и страуса. Это были древние доспехи Магога, подаренные ему сестрой Алдеей во время его пребывания в Скифии.

Немногочисленная свита, сопровождающая его, садится, как и он, на единорогов. Целуя своего дорогого Феникса, Амазан сказал ему печально:

— Это моя вина. Если бы я не переночевал в городе праздных людей с оперной девицей, прекрасная царевна вавилонская не оказалась бы в таком ужасном положении. Идем на антропокайев.

Вскоре он вступил в Севилью. Полторы тысячи альгвазилов охраняли входы здания, где были заключены лишенные пищи двести гангаридов и их единороги. Все было уже готово для жертвоприношения, к которому приговорены были царевна вавилонская, ее служанка Ирла и два богатых палестинца.

Великий антропокай, окруженный младшими антропокайями, восседал в священном трибунале. Толпа севильцев, с висящими на поясе четками, скрестив руки, стояла безмолвно; вот привели прекрасную царевну, Ирлу и двух палестинцев, облаченных в маскарадные одежды, со скрученными за спиной руками.

Феникс влетел через слуховое окно в тюрьму, где были заперты гангариды, уже начавшие взламывать дверь. Непобедимый Амазан помогал им снаружи. Они выступают вооруженные, верхом на своих единорогах. Амазан становится во главе отряда. Он без труда побеждает альгвазилов, сыщиков, священнослужителей-антропокайев; каждый единорог пронзает сразу целую дюжину их. Грозный меч Амазана рассекает надвое всех попадающихся ему на пути. Толпа, в черных мантиях и грязных брыжах, разбегается, не выпуская из рук четок, освященных «*por l'amor de Dies*».

Амазан стащил с судейского кресла «великого ищейку» и бросил его в костер, находившийся в сорока шагах. Туда же полетели один за другим малые ищейки, и тогда Амазан пал к ногам Формозанты.

— О, как вы добры, — воскликнула она, — как я любила бы вас, если бы вы не изменили мне с комедианткой!

Пока Амазан мирился с царевной, пока гангариды бросали в костер тела всех антропокайев и языки пламени взвились до облаков, Амазану показалось, что к ним издали приближается какое-то войско. Престарелый монарх, увенчанный короной, восседал на колеснице, влекомой восемь мулами в веревочной упряжи. Сто других колесниц следовало сзади. Их сопровождали суровые всадники в черных плащах и брыжах, на великолепных конях. Множество пеших людей с засаленными волосами молча следовали за ними.

Прежде всего Амазан построил вокруг себя своих гангаридов и выступил вперед с копьем наперевес. Лишь только король заметил его, он снял корону, сошел с колесницы, поцеловал его стремя и сказал:

— Посланец божий, вы — мститель за род человеческий, освободитель моей отчизны, мой покровитель. Эти проклятые чудовища, от которых вы очистили страну, были, волею Старца семи холмов, моими повелителями. Я вынужден был сносить их преступное владычество. Мой народ покинул бы меня, если б я только попытался обуздать их страшную жестокость. Отныне я дышу, я царствую и этим обязан вам.

Затем он почтительно поцеловал руку Формозанты, умоляя ее сесть вместе с Ирлой, Амазаном и Фениксом в его колесницу, запряженную восемь мулами. Оба палестинца, придворные банкиры, от страха и признательности еще лежавшие ниц, встали, и воины на единорогах двинулись вслед за королем Бетики в его дворец.

Поскольку достоинство короля этого невеселого народа требовало, чтобы его мулы везли колесницу медленно, то Амазан и Формозанта успели рассказать ему о своих злоключениях. Король говорил и с Фениксом, любовался им и то и дело целовал его. Он понял, до какой степени народы Запада, поедавшие животных и утратившие способность понимать их, невежественны, грубы и дики. Только гангариды не утратили природное благородство и человеческое достоинство, но, главное, он соглашался с тем, что из всех смертных наибольшими варварами были ищейки-антропокайи, от которых Амазан только что освободил человечество. Царь не переставал его благодарить и благословлять. Прекрасная Формо-

занта уже успела забыть происшествие с комедианткой, вся ее душа была полна отзвуком славы героя, спасшего ей жизнь. Амазан, узнавший о том, сколь безгрешен был поцелуй, данный фараону египетскому, и о том, как родился Феникс, вкушал чистую радость и был опьянен самой пылкой любовью.

Обедали во дворце, и трапеза была очень скверного качества. Повара Бетики были наименее искусными во всей Европе. Амазан посоветовал, чтобы выписали галльских поваров. Придворный оркестр исполнял во время обеда знаменитую музыкальную пьесу, которую в позднейшие века окрестили «Испанским каприччио».

После обеда заговорили о делах. Король спросил у прекрасного Амазана, прелестной Формозанты и чудесного Феникса, что они намерены предпринять.

— Я предполагаю вернуться в Вавилон как наследник престола и просить у дяди моего Бела руки несравненной Формозанты, моей троюродной сестры, если только она не предпочтет жить со мной у гангаридов.

— Я решила, — сказала царица, — никогда не разлучаться с моим троюродным братом. Но мне кажется, что пристойнее будет возвратиться к отцу моему, тем более что он разрешил мне только паломничество в Басору, а я отправилась странствовать по свету.

— Что же касается меня, — сказал Феникс, — я последую всюду за этими нежными и великодушными влюбленными.

— Вы правы, — сказал король Бетики. — Но обратный путь в Вавилон не так легок, как вы полагаете. Я ежедневно узнаю новости благодаря тирийским кораблям и банкирам Палестины, которые сносятся со всеми странами мира. На берегах Евфрата и Нила идет война. Царь Скифии, предводительствуя трехсоттысячной армией конников, требует возвращения наследства своей жены. Фараон египетский и король Индии, каждый во главе трехсоттысячной армии, тоже опустошают берега Тигра и Евфрата, желая отомстить за причиненные им обиды. Пока фараон Египта воюет на чужбине, его враг, царь Эфиопии, предводительствуя армией в триста тысяч человек, разоряет Египет. Вавилонский царь располагает для защиты своей страны только шестьюстами тысячами человек. Признаюсь вам, — продолжал король, — когда я слышу об этих многочисленных армиях, которые изры-

гает из своего чрева Восток, и об их поразительном великолении, когда сравниваю их с нашими скромными отрядами в двадцать — тридцать тысяч человек, которых так трудно прокормить и одеть, то начинаю думать, что Восток возник значительно раньше Запада. Мы словно лишь позавчера родились из хаоса и только вчера вышли из варварства.

— Ваше величество, — заметил Амазан, — порой случается, что явившийся последним одерживает верх над тем, кто первым вступил на жизненное поприще. В моей стране полагают, что колыбель человечества — Индия, но я в этом не уверен.

— А вы, — обратился король Бетики к Фениксу, — что вы об этом думаете?

— Государь, — ответил Феникс, — я еще слишком молод, чтобы знать древнюю историю. Я прожил двадцать семь тысяч лет; но мой отец, проживший в пять раз больше, говорил мне, что слышал от своего отца, будто страны Востока всегда были богаче и гуще заселены, чем прочие страны. Он слышал от своих предков, будто все животные ведут свое происхождение с берегов Ганга. Я не столь тщеславен, чтобы утверждать это. Мне трудно поверить, что лисицы Альбиона, альпийские сурки, волки Галлии — все родом из моей страны, как не верю я и тому, что дубы вашей родины происходят от кокосовых пальм Индии.

— Но тогда откуда же мы приходим? — спросил король.

— Этого я не знаю, — ответил Феникс. — Мне хотелось бы знать только одно: куда следует отправиться прекрасной царевне вавилонской и моему дорогому Амазану.

— Я сильно сомневаюсь, — продолжал король, — чтобы со своими двумястами единорогами он смог пробиться сквозь такое количество армий по триста тысяч воинов каждая.

— А почему бы и нет! — возразил Амазан.

Король Бетики оценил величие слов: «А почему бы и нет!» Но он полагал, что для победы над бесчисленной ратью врагов одного величия недостаточно.

— Я советую вам, — сказал он, — попытаться заключить союз с царем Эфиопии. Я поддерживаю сношения с этим чернокожим владыкой через моих палестинцев. Я дам вам грамоты к нему. Так как он враг фараона, то

будет счастлив увеличить свои силы союзом с вами. Я тоже могу дать вам подкрепление в две тысячи воинов, очень нетребовательных и храбрых. Если хотите, вы можете нанять еще столько же среди племен, обитающих, или, точнее, карабкающихся по отрогам Пиренеев. Их называют басками, или гасконцами. Отправьте туда одного из ваших воинов верхом на единороге и дайте ему с собой несколько алмазов. Любой гасконец покинет замок, точнее — хижину своего отца, чтобы служить вам. Они неутомимы, храбры и веселы. Вы будете очень довольны ими. В ожидании их приезда мы устроим в вашу честь празднества и оснастим корабли. Я всегда останусь у вас в долгу за вашу услугу.

Амазан радовался, что вновь обрел Формозанту, и мирно наслаждался в беседе с нею всеми чарами заново упроченной любви, которые почти равноценны чарам любви зарождающейся.

Вскоре появился отряд веселых гордых гасконцев, приплясывавших под звуки тамбурина. Другой отряд, суровых и гордых бетиканцев, стоял наготове. Старый смуглолицый король нежно обнял влюбленных. Он повелел нагрузить их корабли оружием, постелями, шахматами, черной одеждой, белыми брыжами, луком, бараниной, курами, мукой, большим запасом чеснока и пожелал им счастливого плавания, вечной любви и побед.

Флот пристал к берегу там, где, как говорят, спустя столетия финикийская царица Дидона, сестра Пигмалиона, супруга Сихея, покинув город Тир, основала великолепный город Карфаген, разрезав на ремни бычью кожу, согласно свидетельству величайших авторов древности, никогда не сочинявших сказок, а также учителей, писавших для маленьких школьников, — и все это вопреки тому обстоятельству, что в Тире никогда не было людей, называвшихся Пигмалионом, или Дидоной, или Сихеем, то есть чисто греческими именами, и что в те времена там вообще не было царей. Великолепный Карфаген не был еще тогда приморским портом, там жили лишь несколько нумидийцев, валивших на солнце рыбу.

Затем путешественники поплыли вдоль берегов Бизанцы и Сирты — плодоносных мест, где впоследствии возникли Кирия и великий Херсонес.

Наконец приплыли к первому устью священной реки Нила. Здесь, на окраине этой плодородной земли, гавань Каноп принимала уже тогда суда всех торговых народов, хотя никто не знал, бог ли Каноп основал этот город или жители Каноп выдумали бога, дала ли звезда Каноп свое имя городу или город дал свое имя звезде. Знали только одно, что и город и звезда были очень древнего происхождения, и это все, что можно вообще знать о происхождении вещей, какова бы ни была их природа.

Именно там король Эфиопии, опустошив весь Египет, увидел причалившие корабли непобедимого Амазана и очаровательной Формозанты. Он принял его за бога войны, ее — за богиню красоты. Амазан предъявил ему грамоты испанского короля. Король Эфиопии, согласно обычаям того героического времени, устроил прежде всего пышные празднества. Затем стали обсуждать, как истребить трехсоттысячную армию египетского фараона, трехсоттысячную армию короля Индии и трехсоттысячную армию царя скифов, осаждавших огромный, надменный, развратный город Вавилон.

Две тысячи испанцев, которых Амазан привел с собой, заявили, что им не нужен эфиопский царь, чтобы выручить Вавилон, что им достаточно приказа их короля освободить город — и они справятся с этим делом одни.

Гасконцы заявили, что они участвовали и не в таких сражениях, что они одни победят египтян, индусов и скифов и согласны выступить в поход вместе с испанцами только при условии, если те пойдут в арьергарде.

Двести гангаридов смеялись над самоуверенностью своих союзников, уверяя, что с сотней единорогов они обратят в бегство всех королей земного шара.

Прекрасная Формозанта примирила всех благоразумными и чарующими словами. Амазан представил чернокожему монарху своих гангаридов, единорогов, испанцев, гасконцев и свою чудесную птицу.

Вскоре все было готово, и войско выступило в поход через Мемфис, Гелиополис, Арсиною, через Артемирд, через Сору, через Апанею, чтобы атаковать трех царей и начать ту достопамятную войну, по сравнению с которой все войны, что велись впоследствии людьми, были лишь петушиными или перепелиными боями.

Все знают, что царь Эфиопии влюбился в прекрасную Формозанту и проник к ее ложу, когда сладостный сон смежил ее вежды. Все помнят, что Амазану — свидетелю этой сцены, показалось, будто он увидел рядом день и ночь. Всем известно также, что Амазан, возмущенный оскорблением, выхватил внезапно свой меч и мгновенно отсек наглому чернокожему его беспутную голову, а затем изгнал из Египта всех эфиопов. Все эти подвиги запечатлены в хрониках Египта. Стоустая молва возвестила миру о победах, одержанных им над тремя царями при помощи испанцев, гасконцев и единорогов.

Амазан возвратил прекрасную Формозанту отцу. Он освободил всю свиту своей возлюбленной, которую фараон египетский обратил в рабов. Великий хан скифов объявил себя его вассалом, и его брак с царевной Алдеей был узаконен. Непобедимый и великодушный Амазан, признанный наследником вавилонского престола, в присутствии ста царей, его данников, победоносно вступил в вавилонское царство, сопровождаемый Фениксом.

Его свадебное торжество превзошло все празднества, какие когда-либо устраивал царь Бел. К столу подали зажаренного быка Аписа, фараон египетский и король Индии подавали новобрачным вино, и эта свадьба была воспета пятьюстами великими поэтами Вавилона.

О музы, всегда призываемые в начале труда! Я прибегаю к вам, лишь кончая его. Напрасно упрекают меня в том, что я творю молитву после обеда, не прочитав предобеденной. Музы, вы все же не лишите меня своего покровительства! Не позволяйте дерзновенным продолжателям искажать своими баснями истины, которые я поведал смертным в этом правдивом рассказе, подобно тому как они осмелились исказить *Кандида Простодушного* и целомудренные похождения целомудренной Жанны, которые некий бывший капуцин искажил в батавском издании стихами, достойными капуцина.

Да не причинят они такого ущерба моему издателю, обремененному многочисленной семьей, у которого едва хватает средств на шрифт, бумагу и чернила.

О музы, заставьте умолкнуть отвратительного Коже, профессора болтовни в коллеже Мазарини, который остался недоволен нравственными рассуждениями Веллизария, императора Юстиниана и дерзнул написать

клеветнические пасквили против этих двух великих мужей.

Вложите кляп в уста педанта Ларше¹, который, не зная ни слова на древневавилонском языке, не объехав, подобно мне, берегов Евфрата и Тигра, имел бесстыдство утверждать, будто прекрасная Формозанта, дочь могущественнейшего в мире царя, и царевна Алдея, и все женщины этого уважаемого двора разделяли за деньги ложе со всеми конюхами Азии в великом вавилонском храме, согласно своим религиозным убеждениям. Этот ученый распутник — ваш враг и враг целомудрия — обвиняет прекрасных египтянок Мендеса в том, что они любили только козлов, и втайне намеревается поэтому предпринять поездку в Египет, чтобы там пережить любовные приключения.

Так как современность столь же мало известна ему, как и старина, он, надеясь заслужить благосклонность какой-нибудь старухи, намекает, будто наша несравненная Нинон² в возрасте восьмидесяти лет спала с аббатом Жедуаном, членом Французской академии, Академии истории и археологии. Он никогда не слышал об аббате де Шатонеф³, которого он путает с аббатом Жедуаном. Он столь же мало знает о Нинон, сколь и о девах Вавилона.

Музы, дщери неба, ваш враг Ларше поступает еще хуже. Он восхваляет мужеложство. Он осмеливается утверждать, будто все отроки моей родины причастны к этой мерзости. Он надеется спасти себя, увеличивая число виновных.

Благородные и непорочные музы, вы, равно ненавидящие как педантизм, так и педерастию, защитите меня от мэтра Ларше!

Вам, мэтр Алиборон, по прозванию Фрерон⁴, отставной иезуит, вам, чей Парнас помещается то в Биссетре, то в ближайшем кабаке; вам, которому так много воздавали по заслугам на всех европейских сценах в благопристойной комедии «Шотландка»; вам, достойному сыну

¹ Ларше — филолог и переводчик, критиковавший исторические труды Вольтера.

² Нинон — куртизанка Нинон де Ланкло.

³ Аббат де Шатонеф — любовник Нинон де Ланкло.

⁴ Фрерон — реакционный критик и публицист, враг энциклопедистов, в особенности Вольтера.

патера де Фонтена¹, рожденному от его любовной связи с одним из тех красивых мальчиков, которые, подобно сыну Венеры, вооружены жезлом и повязкой и, подобно ему, взлетают к небесам, но не выше дымовой трубы, — вам, мой дорогой Алиборон, к которому я всегда питал великую нежность и который заставлял меня смеяться целый месяц подряд, когда шла комедия «Шотландка», вручаю я мою «Царевну вавилонскую». Наговорите о ней побольше дурного, чтобы ее читали.

Я вас не забуду, газетчик-богослов, знаменитый оратор конвульсионеров, отец церкви, основанной аббатом Бешераном и Авраамом Шомеем. Не забудьте упомянуть в ваших листках, столь же благочестивых, сколь красноречивых и рассудительных, что «Царевна вавилонская» еретична, деистична и атеистична. Главное, убедите, пожалуйста, сира Рибалье настоять на том, чтобы Сорбонна осудила «Царевну вавилонскую». Вы доставите этим огромное удовольствие моему издателю, которому я преподнес эту историю к Новому году.

1768

¹ Де Фонтен — литератор, писавший пасквилы на Вольтера, который спас его в свое время от каторги.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловіе. <i>И. Миримский</i>	3
ЦАРЕВНА ВАВИЛОНСКАЯ. <i>Перевод Н. Коган</i>	9

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Редактор Б. Арон
Обложка художника М. Полякова
Технический редактор Ф. Артемьева
Корректор О. Семенова-Тян-Шанская

*

Подписано к печати с матриц
24/XI 1955 г. М-56117. Формат бумаги
 $84 \times 108 \frac{1}{32} = 5$ печ. л.—4,10 усл. печ. л.
4,06 уч.-изд. л. Тираж 300 000. Заказ
№ 577. Цена 85 к.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
„Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

85 к.

ГОСЛИТИЗДАТ
1955